Антология
современной
петербургской
поэзии

Поэтический форум

Том 2

Коллектив авторов

Поэтический форум. Антология современной петербургской поэзии. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3956135
Антология современной петербургской поэзии Поэтический форум: Клуб «Приневье»; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-98306-118-7

Аннотация

Во 2-й том антологии «Поэтический форум» вошли стихотворения 200 современных поэтов. Особенностью этого тома является то, что здесь напечатаны также стихи ушедших поэтов, собранные во втором разделе. Несколько наших друзей ушли из жизни уже во время работы над 2-м томом антологии, оставив редколлегии свои рукописи. Их стихи приведены в первом разделе, а перед фамилией поставлен символ ☼.

Антологии «Точка отсчёта» и «Поэтический форум» в двух томах можно по праву считать трёхтомником русской поэзии Петербурга, отражающем не только пространство поэзии в его многообразии, но и мировоззрение. Составителем биобиблиографического справочника в названных антологиях является Николай Бутенко.

Содержание

Лилия Абдрахманова 10
Сила жизни 10
* * * 11
* * * 12
Спираль 13
* * * 14
Анестезия 15
Кундалини 16
* * * 17
* * * 18
Ольга Авдеева-Мокрак (г. Кишинёв) 19
* * * 19
* * * 20
* * * 21
Нина Агафонова 22
* * * 22
* * * 23
Странники 24
Монолог осени 25
Лариса Александрова 26
В Крыму 26
Совет 27
Победитель 28
Андрей Victoria Андреев 29
Дай умереть… 29
Нос к носу 30
Пробегусь по парапету 31
* * * 32
Наталья Андреева 33
Старые письма 33
* * * 34
Разлуки 35
* * * 36
Чёрная речка 37
Иллюзия 38
Светлана Анненкова (г. Ижевск) 39
* * * 39
* * * 40
Екатерина Асмус 41
* * * 41
* * * 42
Ольга Атаманова 43
* * * 43
Кризис сорока 44
* * * 45
Михаил Балашов 46

* * * 46
* * * 47
Татьяна Баканова 48
По Миллионной 48
Давиду Самойлову 49
* * * 50
* * * 51
Алина Бартенева 52
Аннушка 52
* * * 53
Ирина Басова 54
* * * 54
* * * 55
Наталья Бевза 56
Там, где лес просыпается... 56
Я прожила чужую жизнь... 57
Окно 59
Белый свет 60
Яна Бердникова 61
Навстречу солнцу 61
Не подарок 62
Над рекою 63
Задыхаюсь 64
Альмира Биккулова 65
Любовь матери 65
Родной язык 66
Людмила Бокшицкая 67
* * * 67
* * * 68
* * * 69
* * * 70
* * * 71
Анатолий Бондаренко 72
Я приду к тебе с январём 72
Затопленный храм 73
Виктор Бондаренко 74
Уход сентября 74
О молодости 75
Мария Борисова 76
С Неведомым наедине 76
1. 76
2. 76
* * * 77
Поэзия 78
Улыбка на блюдце 79
Мартышкино 80
1. 80
2. 80
* * * 81

* * * 82
Нелли Бородянская 83
Железные цветы 83
Баллада о неизвестном солдате 84
Илья Брагин 86
* * * 86
* * * 87
Память 88
* * * 89
Алексей Бриллиантов 90
Трибуну 90
1. 90
2. 90
3. 90
Выбор 92
Таинство 93
Горизонт 94
Поэт 95
Дежурка, или сиротство света 96
Сердце ночи 97
Алла Бройн 98
Море 98
Апрель 99
Разговор с осликом 100
* * * 101
* * * 102
* * * 103
Александр Брыков 104
Незатейливый вальсок 104
1. 104
2. 104
3. 104
4. 104
Ещё ничто не предвещало 106
Николай Бутенко 107
В парке осень 107
Песня 108
Исповедь 109
Дорога к Богу 110
Память 111
Триада 112
Восхищение 113
Золотые наливы 114
Виктор Васильев 115
Ломоносов 115
Ночь таёжная 116
Письмо нежданное 117
Светлана Васильева 118
Тень 118

* * * 119
Юрий Виноградов 120
* * * 120
* * * 121
Эклога 122
* * * 123
Ольга Виор 124
Семейный портрет 124
* * * 125
Натюрморт 126
Мопассан 127
Февраль 128
Родина 129
Школьная фотография 130
Павел Волчик 131
* * * 131
* * * 132
Предчувствие 133
Ольга Воронцова 134
* * * 134
Шахматы 135
Поэт и Беатриче 136
Валерия Вьюшкова 137
Поле Куликово 137
Детская роща 138
Кошка 139
Анатолий Гаврилов 140
Ожидание 140
* * * 141
Склоняясь ниц 142
Цветы 143
Людмила Гарни 144
* * * 144
* * * 145
Виктория Гинзбург (Колесникова) 146
Распутье 146
Июньский вечер 147
Любовь и разлука 148
Меня оставила подруга 149
Монолог Шамаханской царицы перед зеркалом в 2012 году 150
Память 151
Юлия Гордеева 152
* * * 152
* * * 153
* * * 154
Юлия Гржибовская 155
Отчий дом 155
Сирень 156
Виолетта Гриневич 157

Послания в никуда 157
Мария Груздева 158
* * * 158
* * * 159
* * * 160
* * * 161
В Чесменском соборе 162
* * * 163
* * * 164
* * * 165
Андрей Грунтовский 166
Осень 166
* * * 167
* * * 168
«Блажен, кто посетил...» 169
* * * 170
Тамара Гусарова 171
* * * 171
* * * 172
Бабочка 173
Эдуард Данилов 174
Собака 174
* * * 175
☼ Виктор Драчёв 176
Берёза 176
* * * 177
Анатолий Дридзо 178
* * * 178
* * * 179
* * * 180
Анна Дубинская 181
* * * 181
* * * 182
Дмитрий Дубков 183
* * * 183
Двое расставались у моста 184
Сравнения 185
Мудрец и жрец (притча) 186
Елена Евсеева 187
Скамейка 187
Изнанка 188
Женитьба Фи… 189
Посох Моисея 190
Сфинкс 191
Парашютист 192
1. Прыжок. 192
2. Полёт. 192
3. Приземление. 192
Анна Ефанова 194

* * * 194
* * * 195
* * * 196
* * * 197
* * * 198
* * * 199
* * * 200
* * * 201
* * * 202
* * * 203
* * * 204
Ирина Жаркова 205
Осенние миражи 205
* * * 206
Конец ознакомительного фрагмента. 207

Антология современной петербургской поэзии Поэтический форум Том 2

Ни шороха полночных далей,
Ни песен, что певала мать,
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять.
И символ горнего величья,
Как некий благостный завет, —
Высокое косноязычье
Тебе даруется, поэт.

Николай Гумилев

Лилия Абдрахманова

Сила жизни

Корпускулы —
из красных маков,
Из вечных льдов и жарких злаков,
Из горной солнечной воды
И незатейливой еды —
Свела таинственная сила,
Плюс с минусом соединила,
Со светом – тьму,
С прохладой – зной,
Всё это как-то оживила,
Что в результате
стало мной.

* * *

В предгорьях Ала-Тау тает снег,
Под жарким солнцем загорают склоны,
Вершат цветы весенний свой набег —
Взрываются подснежников бутоны.
Снег станет пищей горных рек – водой,
Стремительно сбегающей со склонов,
Не ведая в свободе молодой
Ни тишины, ни глубины затонов…

* * *

Тень моя множится в свете ночных фонарей,
Около ног, как распахнутый веер кружится.
Может, подобно, рождаясь от сути моей,
Жизнь моя здесь многократно ещё повторится…

Спираль

Я вылью шумно воду из корыта,
Скручу в спираль тяжёлый ком белья,
Пытаясь выжать каплю Бытия
Из мелкого застиранного быта.

* * *

Быть может, по зову невольному плоти
Прародину ищем в природной среде:
Мечтаем, взирая на птиц, о полёте,
А глядя на рыб, мы грустим о воде…

Анестезия

Однажды почти поднялась до небес,
Прозрачно вошла в ослепительный лес,
Где множится вместо деревьев, растёт
Рисунок, похожий на соты, на мёд…
И стала я сотой-ячейкой безвестной
В какой-то абстрактной стране бестелесной.
В безмолвии полном мне слышится звон,
И всё это вроде бы вовсе не сон.
Я тела не чую, лишь мысль моя есть,
И плоти, как видно, не нужно ей здесь.
А как без неё совершу я дела,
Которые сделать пока не смогла?..
«Где я? – вопрошаю, ответа моля, —
Где ты с притяженьем привычным, Земля?»
И мысленно в мир незнакомый кричу:
«Я в тело, я в тело вернуться хочу!»
И словно бы кто-то услышал меня:
Глаза распахнула в сияние дня!
Забилась душа моя, отяжелела,
Как сетью, ячейками поймана тела…

Кундалини

Сущность моя – змея,
Мудрая и красивая.
Жилище моё – Земля,
В ней черпаю силу я.
Меня называют красивой,
Не понимая вполне,
Что это и есть та сила,
Которая дремлет во мне.
Порой она просыпается
Под музыкальный звук,
И вдруг во мне проявляется
Змеиной пластикой рук,
Танцем цветным, узорным,
Излечивая от печали…
И снова прячется в форму
Трёхвитковой спирали.

*** * ***

Я слышу ритмы для стихов,
Они меня сопровождают,
Вплетаясь в ритм моих шагов,
И я душою осязаю,
Как музыку, звучанье слов,
Понять пытаюсь их значенья,
И смутен чувств моих поток…
В таком ритмическом движенье
Пульсирует, наверно, сок
В деревьях – перед их цветеньем…

* * *

Рождается опять в моём сознанье
Живой калейдоскоп воспоминаний, —
Не то в них больно, что уже случилось,
А то, что так и не осуществилось…

Ольга Авдеева-Мокрак (г. Кишинёв)

* * *

«Мне Вас не хватает. Мне Вас не хватает…»
А снег на ладонях прохладных не тает,
А снег замерзает на тёмных ресницах.
Во сне Вам былое, быть может, приснится.
Быть может, знакомые звуки ноктюрна
Напомнят далёкое зимнее утро,
Когда согревались в ладонях ладони,
И мчались по Невскому быстрые кони.
И снег на прохладных ладонях не таял.
Мне Вас не хватает, мне Вас не хватает…

* * *

Отболела душа ностальгией по отчему краю,
Где озёр зеркала отражают зелёный простор,
Где белеют берёзы и ветви ко мне простирают
И где ждёт моего возвращенья наш старенький двор.
Рыжим пламенем осень сожгла все мосты-переправы,
Словно вновь испытала она мою верность судьбе.
Только знаю, вернусь, окунусь в твои росные травы!
Возвращаясь в Россию, я вновь возвращаюсь к себе.

* * *

Вопреки закону – вот дела! —
В декабре малина вдруг созрела.
Это мать-природа захотела
Подарить зимою нам тепла.
Заалели радостно плоды
На живых и незамёрзших ветках,
Птицам Бог послал их, словно деткам,
И с небес благословил сады.

Нина Агафонова

* * *

Явилась ночь и свергла день,
Он канул в пропасть наших вздохов.
Нам пела каждая ступень,
Что дома плохо, плохо, плохо...
Но мы, преодолев подъём
Всех этажей и всех печалей,
Вошли в свой дом, забылись в нём,
Залив тревоги жарким чаем.
И он покой принёс душе,
И было сердце не в обиде,
И что там есть, – в той темноте, —
Уж лучше нам не знать, не видеть.

* * *

Окажи мне услугу: дай руку!
Уведи меня в песню ночи́
По мелеющим улиц излукам,
Где распахнуты крылья-плащи.
Где слетелась горластая стая
На проспекты рекламных огней,
Где о воле мечта золотая
Манит скованных силой коней.
И мое заведённое сердце
Тянет к свету от чёрной тоски.
Не опомниться, не оглядеться,
Только б мчаться над гладью реки,
Дивный, чудный, мой город – мой пламень,
Не стихающий в пенной крови,
К той звезде, что сияет над нами
Недоступной вершиной любви!

Странники

Ходили странники чудные
По сирым пашням деревень,
Копили капли дождевые
В ладонях, пили, славя день.
И был так тих, почти беззвучен
Их говор о житье своём,
Их грозовые ждали тучи,
Ложась к закату в чернозём.
К рассвету каждый поднимался
И шёл в свой странный мир удач,
Но только путь их мне казался —
Единый, непрерывный плач.

Монолог осени

Сначала я думала, парки пусты оттого,
Что холод и мгла разогнали уставшие души,
Я дважды просила вернуться, но всё никого,
Но всё никого, да и разве услышат, уснувши.
Затем я решила, что, может быть, в сладостных снах
Мне легче какой-нибудь светлой молитвой явиться,
И слёзы польют, и страданье проснётся в глазах,
И все вдруг увидят, как страшно однажды забыться.
Но вновь никого. Ни молитва, ни плач, ни призыв —
Ничто не проникло сквозь тяжесть забвения к спящим.
Густой снегопад, на немеющий сад повалив,
Печально внимает шагам, по листве уходящим.

Лариса Александрова

В Крыму

Простор черноморский венчая,
Прилив поднимался волной,
И чайки кричали, кричали…
И снова мой Крым предо мной…
«Как звать вас? – спросила я чаек, —
Мы так по рождению бли́зки…»
Спросила, ответа не чая,
И чайки, взлетая, вскричали:
«Лариски…Лариски…Лариски…»

Совет

«В плохом всегда ищи хорошее,» —
Советовала мне сестра…
То я влюблялась в дождь с порошею,
То у случайного костра
Отогревалась…То красивою
Мечтой спасалась, сладким сном…
И научилась быть счастливою,
Живя в обыденном, простом.

Победитель

Который раз в бараний рог
Судьба скрутить его хотела…
Он все невзгоды превозмог,
Не отделил души от тела…
Дорога…Нет! Спираль дорог
Крутым витком ему верстала
Путь испытаний и тревог —
До бронзового пьедестала.

Андрей Victoria Андреев

Дай умереть…

«Не просыпайся, – я шепчу ей, – рано,
Трамваи по проспекту не гремят».
Лицо во сне так ласково-румяно,
И губы поцелуй ещё хранят.
«Не просыпайся, солнечный посыльный
Тебя погладит кисточкой луча»…
Задёрну шторы… Господи всесильный!
Дай умереть, слова любви шепча.

Нос к носу

Вот опять мы столкнулись нос к носу
С хулиганкой девчонкой – Весной.
Ручейками по ноженькам босым
Побежала звенящей волной.
Поманила в поля и дубравы,
Где под солнцем расплакался снег,
И уже просыпаются травы,
Тянут ручки, как дети, Весне.
По ручью поплывёт мой кораблик,
Полный красок из детского сна…
Я опять наступаю на грабли,
Что оставила в поле она…

Пробегусь по парапету

Раскинув руки, пробегу по парапету:
Да, не мальчишка и смешон со стороны.
Но за судьбой иду в согретые рассветы
И чуда жду от разгулявшейся весны.
По ручейку пущу кораблик я бумажный,
И прочитают пожеланья небеса:
Прошу зари как небоскрёб, многоэтажной,
И бурю чувств, чтоб разрывала паруса
На бригантине сонной жизни…Южный ветер,
Несёт акации цветущей аромат.
Раскинув руки, пробегусь по парапету
И взмою в небо за мечтою…в звездопад…

* * *

В последний вечер мая
Резвился звездопад,
И звёздочка шальная
Упала в Летний сад.
В кустах переоделась,
Припрятала лучи.
Украдкой огляделась
И вышла…свет в ночи.
У нового фонтана
Ей встретился Поэт.
Двухтомником романа
Они оставят след…

Наталья Андреева

Старые письма

Устала и забросила дела,
Ушла от всех и окунулась в книжки.
И вдруг в них письма старые нашла
От первого любимого мальчишки.
Одно уж пожелтело… в том письме
Его слова смешной любовью дышат.
В его пятнадцать лет. Да кто он мне,
Что про любовь с ошибками мне пишет?
Корявый почерк… Просто буква «Ц»…
И сердце со стрелою. И ромашка.
И красной ручкой приписал в конце
Без запятой: «Люблю тебя Наташка»…
Я в школе тридцать лет преподаю…
И каждый раз, тетради проверяя,
В мальчишке каждом я его люблю,
Им с нежностью ошибки исправляя.

* * *

Свинцовое небо упало
В холодные воды Невы.
О Боже, как холодно стало,
Что даже оскалились львы.
О Боже, как холодно стало,
Как будто ушёл лучший друг.
Природа всегда удивляла
Причудами Санкт-Петербург.
Но в холоде, в сумраке мглистом,
Ты помни, что это пройдёт…
И ангел, как лучик искристый,
Нам снова с небес подмигнёт.

Разлуки

Ты знаешь, а разлуки я люблю.
Я в мыслях о тебе и день и вечер.
Я капельки любви своей коплю,
Чтоб полной чашей их отдать при встрече.
Ты знаешь, а разлуки мне нужны.
Тебе стихи и песни я слагаю.
И средь вечерней звёздной тишины
Твои глаза и руки вспоминаю.
Ты знаешь, чем разлуки хороши?
Вот нет тебя, а в мыслях я с тобою.
И нежные движения души
Я утром солнцу, как тебе, открою.
Ты знаешь, ты мой самый близкий друг.
Как здорово, когда мы вместе снова.
Но не хочу любви я без разлук.
Я подождать, чтоб встретиться, готова…

* * *

Глаза насытиться не могут
Рассвета нежной красотой.
Шепчу молитву, славлю Бога...
И верю я, что он со мной.

Чёрная речка

А нашей Чёрной речки нет черней.
Ведь здесь «погиб поэт, невольник чести».
Сюда несу цветы, и всё сильней
Я чувствую, что сердце не на месте —
Как будто потеряла я отца,
Что мне открыл в поэзию дорогу.
Стучатся строчки прямо к нам в сердца
И в них вселяют странную тревогу.
Тоскуют без поэта острова —
И Летний сад, и липы вековые.
Скорбит и плачет Мойка, как вдова,
Но… Наполняют нас стихи живые.
Великий Пушкин, солнечный поэт,
Живёт в сердцах и душах поколений.
Чернее нашей Чёрной речки нет…
Но Петербург хранит волшебный свет,
Что миру подарил наш добрый гений.

Иллюзия

Я видела: в лужу смотрелась луна,
Подумалось ей, что она не одна.
Что в мире подлунном, где ей не бывать,
Двойняшку-сестру удалось повидать.
Луна улыбнулась – ей лужа в ответ.
И кто вам сказал, что взаимности нет?..
Луна укатилась – и в луже темно.
Ну просто большое сырое пятно.

Светлана Анненкова (г. Ижевск)

*** * ***

Солнце часто прячется, исчезает где-то,
Снова за окошком умирает лето.
Всё могло быть плохо, но сентябрь-проказник
Маскирует похороны под великий праздник.
Воздух сделал терпким и немного пряным,
Все вокруг завесил жёлтым и багряным,
Чтобы, опьянённые красотой-дурманом,
Мы не заподозрили подлого обмана.
Скоро всё закончится ноябрём холодным,
Лето будет съедено осенью голодной.
И тогда однажды, в первый день морозный,
Все обман заметят, только будет поздно.
А пока так славно и тепло на свете,
Только дождик плачет о погибшем лете….

* * *

Придёшь ты, тоску прогонишь,
Ноябрь обращая в бегство,
Ты в жизнь мою снова входишь,
Как светлый кусочек детства.
Вдвоём тишину разбудим
И сядем за чай с вареньем,
Мы чайной ложечкой будем
Мешать разноцветные тени.
И праздник, и новые песни,
Цветы, на столе – конфеты…
Мы живы, мы снова вместе,
И скоро вернётся лето.

Екатерина Асмус

*** * ***

Прости меня, любимый город.
В грязи, руинах и снегу
Ты мне всегда предельно дорог.
Твой светлый образ берегу
И в дальних странах, и в болезни,
Когда уныньем сломлен дух,
Я вспоминаю ветра песни
И тёплый тополиный пух,
Парад дворцов, мосты литые,
Каналов спутанную сеть,
Соборов купола златые
И шпилей острых в небе медь.
Державный блеск былой столицы
Твои дома ещё хранят.
Но сила каменной десницы
Ослабла. Нет пути назад.
Зов Командора нам не слышен,
А в бывшей роскоши палат
Тихонько шебуршарят мыши
И нет замков у царских врат.
Мелькнёт лицо дворянской стати
Среди заносчивой толпы
Лишь на секунду.
Дождь и слякоть
Вмиг слижут чуждые следы.
И всё. В изгнанье было слово
Заступничества и любви.
Остался лёд. Зимы оковы
И отблеск подвигов твоих.
Прости меня, любимый город!
Я, память прошлого храня,
Ничто – ни делом и ни словом
Не в силах сделать для тебя!

* * *

Мне хочется с тобой поговорить.
Не на́ людях. А в тишине, спокойно.
В уединенье от знакомых лиц,
Приветствий, объяснений недостойных.
Мне хочется с тобой поговорить,
Чтоб ясным было слово диалога.
«Как ты живёшь? Что думаешь?» – спросить.
«Когда в последний раз ты слышал Бога?»
«Как там погода? Пишешь ли стихи?
Или украдкой по ночам играешь
В компьютерные игры?»
Ты прости...
Такой вопрос, наверно, – против правил!
Мне хочется с тобой поговорить.
Неспешно. Не скрываясь и не ссорясь.
Так узелком разорванную нить
Связать швея старается на совесть.
Мне хочется с тобой поговорить...

Ольга Атаманова

* * *

А поутру – ещё белей, чем днём.
Вот выпал снег и не успел растаять,
никем ещё не тронут, и на нём
лишь свежий след от первого трамвая.
Он слишком бел, и так кристально чист,
что в городе белей и первозданней…
Черны стволы, и ни единый лист
не полетит по ветру синью ранней.
И кажется мне ясным и простым
Всё, что сомненьем было и обманом
на улице, не шумной и не пьяной,
над городом, совсем ещё ночным…
Однажды я пойму, что не люблю,
с предельной ясностью, без всякой злобы,
что не смогу быть верною до гроба
и не возьму в подарок жизнь твою…
За что ревнуешь? Нету никакой
любви во мне, и звуки никакие
не потревожат мёртвую стихию,
а только звон ветвей над головой,
пустые кроны и стволы нагие…
И кажется, что вовсе не умру,
пока зима такая молодая,
пока снега однажды не растают
под звон капели, рано поутру…

Кризис сорока
Сонет

Конец иллюзий? Мудрости начало?
Минут бессмысленное воровство?
Я знаю жизнь – от шляпки до скандала,
Предел – всему. Бездонность Ничего,
Салатик из травы, когда, бывало,
Недосыпала пряностей в него,
И страсти – жар. И песни – колдовство.
И тишину полночного квартала,
И крики, и неистовство толпы,
Послать за Геркулесовы Столпы[1]
Готовой неугодных… Только срок
Безумию – давно определён.
Алхимик-Время, как ты ни учён —
Что мне сейчас твой золотой песок?

[1] Геркулесовы столпы (Геркулесовы столбы): 1) две скалы у Гибралтарского пролива, на европейском и африканском берегах, согласно античным мифам, воздвигнутые Геркулесом на краю мира; 2) перен. крайний предел, граница чего-либо, крайность в чём-либо.

*** * ***

… И листьев нет, но далеко зима,
В сиянье полдня растворились тени
И кажется, что даже смерть сама
Прозрачна и тиха, как день осенний.
В безмолвье том – предчувствие зимы.
Застыли отшуршавшие аллеи.
И смерть всё меньше отрицаем мы,
Всё легче примиряемся мы с нею.

Михаил Балашов

*** * ***

Продрогшие чёрные ветки осин,
Трава прошлогодняя стынет белёсо,
И кажется, в целой Вселенной – один…
Незваная, серая, дряхлая осень.
Обманутых птиц не слышны голоса,
И плещет на речке не рыба, а ветер.
Я щепкой «Весна» на песке написал —
И стало немного уютней на свете.

* * *

Какая славная погода,
Уютно дождик моросит.
И сердце чувствует свободу,
Как полюс чувствует магнит.
Набухла сыростью одежда,
Промокли ноги и душа.
Наверно скептик ни гроша
Не дал бы даже за надежду
На то, что будет впереди
Когда-нибудь тепло и сухо:
По всей Вселенной льют дожди
Суровым испытаньем духа.
А я пожертвую грошом.
Здесь нет ни капельки бравады:
Мне это в самом деле надо…
Да нет, мне, правда, – хорошо.

Татьяна Баканова

По Миллионной

Арсению Дубину, петербургскому историку и светлому человеку

Пойдём гулять по Миллионной,
Вниз, по течению Невы,
Там ночью белой и бессонной
Мы будем с городом на Вы.
Как будто гостем из Помпеи
Возникнет Мраморный дворец,
И царский конь, скалой чернея,
Проскачет из конца в конец.
Пустая Главная аптека,
Вписавшись в нынешний контраст,
Из восемнадцатого века
Нас мятным запахом обдаст.
В чернила обмакнув рейсфедер,
Нагнувшись к чистому листу,
Неутомимый Штакеншнейдер
Начертит новую мечту.
Нырнёт под арку Эрмитажа
Неторопливый катерок,
Горбатый мост незримо свяжет
Двух рек и улицы поток.
И Зимний вдруг, такой огромный,
Раздвинет утренний туман…
Пойдём гулять по Миллионной,
Поклонимся её домам.

Давиду Самойлову

Ветреный город. Там тихие улочки
К морю спускаются все до единой.
Улица Калева – кофе и булочки,
Улица Мере – дубы-исполины.
Буйство черёмухи – улица Тооминга,
Свечи каштанов, чернила сирени,
Красные крыши, кирпичные домики,
Старых деревьев прозрачные тени.
Вот этот дом. И калитка распахнута,
Словно душа или книги страница,
И на окошке расставлены шахматы,
Будто хозяин сейчас возвратится.
Сад зацветает. Живое, зелёное
Вечное царство – малина и слива,
Но на губах тает горько-солёная
Влага, что ветер приносит с залива.
Аист в гнездо по весне возвращается,
Я улыбаюсь ему или пла́чу?
Жизнь продолжается, жизнь продолжается…
Разве на свете бывает иначе?

*** * ***

Памяти поэта-подводника Игоря Озимова

Спит в тумане канал Грибоедова,
Над водой проплывают дома…
Из простывшего города бледного
Наконец-то уходит зима.
Я иду по знакомому адресу,
Над волнами – мосты-корабли,
Шелест тонкого белого паруса
Слышу я в океанской дали.
Вижу Вас молодым, в белом кителе,
Ваш лучистый улыбчивый взгляд…
Окна старого дома и жители
На канал, как на море, глядят.
Вы ушли… Буду верить, что в плаванье,
На неведомый остров ушли.
Ваше судно стоит в тихой гавани
В неизученной точке земли.

*** * ***

Я мою окно после вьюги и стужи,
Январских снегов и февральских метелей.
Они отошли, отлегли, отшумели,
И снова весна в тихом воздухе кружит.
А город заполнен движеньем и шумом:
Трамваи по рельсам, часы с колокольней…
Как больно бывает мыть окна, как больно,
Когда о тебе все тревоги и думы.
Ты вышел во двор, я тебя увидала
Сквозь стёкол прозрачность, натёртых до скрипа.
А тряпка полощется в миске со всхлипом,
А мне чистоты безупречной всё мало.
Я мою окно после долгих морозов,
Как будто с окна смыть твой образ пытаюсь.
А он только чище, чем больше стараюсь.
Текут по стеклу ручейки, словно слёзы.

Алина Бартенева

Аннушка

Не вернулись с фронта два её сынка.
Страшное известие пришло издалека.
Где-то там за Бугом в облаке смертей
Потерялись судьбы двух её детей.
Все в селе гадалки ей твердят одно,
Что ребята живы, постучат в окно.
Ветры да метели мчались по селу.
Жадно припадала Аннушка к стеклу.
Только перед утром сон её ломал,
А во сне навстречу младшенький бежал.
Старший чуть смущённо улыбался ей:
«Познакомься, мама, с жёнушкой моей».
Как бы ей хотелось, чтобы этот сон
Длился бесконечно, не кончался он.
Годы пролетали – счастье не сбылось.
Знать, гадалки врали, чтоб светлей жилось.

* * *

Не гасите свечу, пусть горит до конца.
Ведь расплавленный воск – как застывшие слёзы,
Что скатились с небес по веленью Творца
И упали на листья озябшей берёзы.
Посмотрите на пламя зажжённой свечи —
Как на жизнь нашу пламени пляска похожа:
То неистово скачет, как всадник в ночи,
То падёт и забьётся болезненной дрожью.
Задержите дыханье чуть-чуть у огня,
Не спугните пылающий трепет мгновенья.
Пусть сопутствует вам до последнего дня
Негасимый и вечный огонь вдохновенья!

Ирина Басова

* * *

Я на исповедь в чащу лесную хожу,
Как язычница, как святоборова жрица.
Согрешу и покаюсь, и вновь согрешу,
Чтобы скудным пайком у берёз причаститься.
У лесин белоствольных свой грех отмолю.
Солоны и горьки покаянные слёзы!
И в ответ на святую молитву мою
Благодатная замироточит берёза…

* * *

Мне отрадно глядеть в эти дивные дали,
Упиваясь мучительно светлой тоской
О незримом, надмирном, святом Валааме,
В облака вознесённом над скверной мирской!
Стать бы птицею вольной да взмыть в поднебесье
Над суровою, вздыбленной ветром волной.
Отчего ты бескрыло, смущённое сердце,
Отчего не обрящешь ты край неземной?
Оттого ль, что взыскующий Божьего храма
Не от мира сего и за правду гоним?
В небеса вознеслись купола Валаама,
Словно явленный горний Иерусалим.

Наталья Бевза

Там, где лес просыпается...

Там, где лес просыпается, зыбкий, безлиственный,
Начинают сезонный покос:
Методично, привычно, как в поисках истины,
Режут белую кожу берёз.
Не насквозь, не навылет – наствольными срезами
Извлекают живительный сок
Из глубин бересты, письменами истерзанной —
Вдосталь пьют, запасают и впрок.
У России нет вечных обласканных символов —
Всё лихие у ней времена:
Иссекая крест-накрест развенчанных идолов,
На крови строит храмы она.
Обрекут, нарекут рощи новыми храмами,
Разбредясь по домам, чернецы.
Белоствольные души возносят над шрамами
Изумрудного света венцы.

Я прожила чужую жизнь...

Свет мой синий
Свет мой дальний,
Безымянная звезда...
А. Топчий

Я прожила чужую жизнь,
хоть знала: где-то
Моя – заброшенно лежит
среди макетов,
В бюро невысказанных дум
и нот неспетых,
А я верхом, как мальчик-грум,
скачу за светом.
Чужая жизнь давно в плечах
мне тесновата,
И голос стиснутый зачах,
пропал куда-то,
Но даже если велики
одна-две даты,
Не написала ни строки
для адресата.
Вот жизнь моя – дрожит рука:
хочу примерить,
Да вижу, будет велика…
В пустом вольере
Теряюсь я,
но синеву
Прошу —
проверить:
Чужая жизнь, что я живу,
кому – потеря?
Отдам её, не пожалев,
владельцу в руки —
Полуобъёмный барельеф
рутинной скуки.
Я не хочу судьбы такой
и жизни куцей,
Где самый страшный непокой —
гнев резолюций.
Теперь иной ориентир,
тональность песен:
Я – не слуга! Прощай, мундир,
который тесен,
Не буду в цирковом трико
идти парадом,

Мой свет – не тот, что далеко,
а тот, что рядом…

Окно

Дымкой, словно кисеёй лёгких штор,
Занавешены грядущие дни,
А за ней, как за окном, ждёт простор,
Просто спрятанный в полночной тени.
До рассвета я не сделаю шаг,
Чтоб взглянуть на спящий путь предо мной —
Я боюсь того, что временный мрак
Вдруг окажется бетонной стеной.
Звёзды гаснут, кану с выси и я.
Перед сном, когда решу – всё равно,
Всколыхнётся ветерком кисея,
Чтоб я верила: за нею – окно.

Белый свет

Недоверчиво прищурилась
Я от собственных идей:
Чур, меня! Мне вдруг почудилось
Племя странное людей.
Там потомок взглядом пращура —
Половецкого князька,
Веки запахнул как плащ – пора:
Две бойницы вполглазка.
Истерия душ в мистерии,
В страхах вычурности поз,
В тёмных щёлочках – неверие:
Узкоглаз великоросс.
Не чураясь чар поветрия,
Ветер выбился из сил:
В чашку Петри эндометрия
Споры жизни привносил.
Белый свет! В глазницы падая,
Озаряй, но не слепи:
Пусть живёт высокоградая
Русь – в распахнутой степи.
Род веду теперь от аза я,
В зеркалах – иконостас,
Чудь глядится белоглазая
Из глубин раскосых глаз.

Яна Бердникова

Навстречу солнцу

Промчатся дни, промчится год,
Протрутся ноги и земля...
И каждый, кто в пути, найдёт
Не факт что счастье, но себя.
Босыми стопами по льду
И головой ныряя в снег,
Вперёд за счастьем я пойду.
Сюрприз! Я тоже человек.
Навстречу солнцу побегу
По освещённой стороне.
Перед собою я в долгу,
А перед прочими – вдвойне.

Не подарок

Я не подарок, и нет на мне красочной ленточки.
Нету сережек, и прочих безделиц за тысячу.
Сердце моё почему-то как тонкая веточка…
Ножиком ржавым на ней чей-то опус был высечен.
Я не прекрасна. Ни правильная, ни неверная...
Не принимаю в подачку монеты на паперти.
В принципе... я не особенно обыкновенная
Тем, что свободна, а совестью всё-таки заперта.

Над рекою

Я застыла. А волны протяжные
Ударяют сильней и безжалостней.
Заморозят зимой меня заживо
За сомненья, за робость, за слабости.
Я останусь скульптурою белою,
Ледяною фигурой невзрачною.
На одно лишь надеюсь и верую:
Что для всех буду столь же прозрачною.
Что прочтут в моем сердце прохожие
Всю меня, словно сборник поэзии.
Я должна была быть осторожнее,
А сама лишь мечтала, да грезила.
Я не верила чувству тревожному,
Я бросала решенья, как дротики.
И жила из пустого в порожнее
Над рекою на низеньком мостике.

Задыхаюсь

Задыхаюсь. Я увлеклась.
Не заметила грязь на теле.
И на облаке кратких фраз
След остался отнюдь не белый.
Слово вырвалось, грянул гром...
Вот бы вымолвить всё обратно!
Ведь кислотным в душе дождем
Не отмыть в отношеньях пятна.
Если смотришь на жизнь любя —
Чёрный цвет виден нежно синим...
Мне теперь лишь до слёз обидно,
Что ошиблась насчет тебя.

Альмира Биккулова

Любовь матери
Перевод с башкирского Николая Михина

Любовь материнская – солнца лучи.
Без них – словно тьма бытиё.
Нужны нам, чтоб мир был и светел, и чист,
Духовные силы её.
Творишь, созидающей жизнью влеком,
С рожденья начавшийся ты,
Впитав с материнским в себя молоком
Всю силу земной красоты.
Чем опыт богаче, тем время быстрей,
Всё ближе к конечной черте…
Как мир, без границ лишь любовь матерей
В нетленной своей красоте.

Родной язык
Перевод с башкирского Николая Михина

Для каждого Родина только одна —
Единственная, словно мать.
Род – корень: родная, природа, родня,
Народ, урожай и рожать…
Нет, чудо-язык, состоящий из слов,
Не зря человечеству дан:
Духовная сила всех в мире родов,
Бесценный Всевышнего дар.
Чтоб было друг друга легко понимать,
Из слов зарождается речь.
И надо язык свой, как Родину-мать,
Лелеять, любить и беречь.

Людмила Бокшицкая

* * *

Замирают лес и поле,
Замолкает шёпот трав.
Осень мечется на воле,
Красит головы дубрав.
Заливает мир дождями,
Ночью слышен ветра вой,
И холодными сетями
Мы опутаны с тобой.
Звёзды прячутся со страхом
За лохмотья облаков.
Осыпает листьев прахом
Осень след твоих шагов.
Плен осенний слаще мёда,
Тише, тише пульс в груди.
Для чего теперь свобода?
Оглянись, не уходи!

* * *

Три нежных жёлтых лепестка
На стол упали с вазой рядом.
Рисунка линия тонка,
Но лишь букет окинешь взглядом,
В глаза бросается изъян —
Момент начала увяданья.
Ещё ты от букета пьян,
Но есть оскомина свиданья.

* * *

В пустыни превращаются поля,
В глухие и ненужные угодья.
Уже давно не вспахана земля
И некому в руках держать поводья.
И не чернеет ровной полосой
Краюха луга. Дальше за холмами
Лежит годами сотканный покой,
Наследство дедов, брошенное нами.

* * *

Сколько припомню имён...
Нет всех – зови не зови.
Тянется тоненький лён
В звёздные сети любви.
Трав ароматный дурман,
Сена сухого скирда.
Жизнь – как великий обман…
Золота блеск? Нет, – слюда.
В звуках причудливых фраз
В пропасть летят времена.
В ночь повторяю не раз
Близких людей имена.

* * *

Как заунывный метроном
Осенний дождь стучит по раме.
А, может, создали мы сами
Безумный холод за окном.
И, низко ветки опустив,
Стоят озябшие рябины.
Мы виноваты иль невинны
За этот стынущий мотив?

Анатолий Бондаренко

Я приду к тебе с январём

Я приду к тебе с январём,
Мне всегда не хватало лета.
И тогда в окошке твоём
Будет свет гореть до рассвета.
Я приду к тебе с январём.
И совсем, совсем без опаски
Постучусь в окно снегирём, —
Ты не бойся людской огласки.
Я приду к тебе с январём.
В этом добрая есть примета.
Постучусь в окно снегирём,
Мне всегда не хватало лета.

Затопленный храм

Расширяли озеро Белое,
Деревеньку сносили.
Деды – бороды белые —
О пощаде просили.
Избы медленно падают,
Став простыми дровами.
Поглощает их впадина
С родниками, холмами.
Расширяли озеро. Бедную
Деревеньку сносили…
Только церковь над бездною
Смотрит в небо России.

Виктор Бондаренко

Уход сентября

Уходит сентябрь, октябрю уступая просторы,
Оставив в наследство ненастье лихое своё.
В дождливом тумане леса, и равнины, и горы —
Как тусклой природы простое земное житьё.
Уходит сентябрь, наградив нас неясной тоскою,
Отвергнув слова, что вошли в нашу жизнь, будто новь.
Растаял вдали, словно дымка, над серой рекою,
С собою унёс непонятную нашу любовь.
Что ждёт впереди, средь октябрьских глубоких желаний?
Какой огонёк маяком будет в тёмной ночи?
Войдёт ли реальность в надежду сердечных мечтаний?
Подарит ли Бог от судьбы потаённой ключи?

О молодости

Отплясала молодость, умчалась
В прошлые, далёкие края.
Только́ память в сердце мне досталась
О года́х, когда был счастлив я.
Отдурила молодость навечно,
Птицей исчезая в облаках,
Бросила меня в пути беспечно,
Будто лёд, весенняя река.
Повзрослела молодость, наверно,
Зрелостью явилась мне в делах,
Приучая жить спокойно, мерно…
А летать в цветных, счастливых снах.

Мария Борисова

С Неведомым наедине

1.

Угасла вечера порфира,
Померкли краски на холсте,
И звёздный хор течёт над миром
В своей великой немоте.
Что наш испытывает разум:
Страх, удивление, экстаз?
Как древний Аргус многоглаза,
Глядит Вселенная на нас.
Постигнуть – тщетные усилья,
Но, прикоснувшись к тишине,
Душа свои расправит крылья
С Неведомым наедине.

2.

...Звёзды, словно кувшинки Вселенной,
Собираю в космический чёлн.
Владимир Морозов

Ночь тянется к строке исповедальной,
Её шаги всё явственней в тиши,
И наполняет свет созвездий дальний
Таинственное озеро души.
Воображенье прихотью чудесной
Чуть взбаламутит гладь спокойных вод,
И вот уже кувшинкою небесной
Душа сама среди светил плывёт.

* * *

Обдавая то стужей, то зноем,
Вестовые дождей и снегов,
Неустанно кружат над Землёю
Ветры – вольные дети богов.
Сколько разных наречий на свете —
Столько ветреных этих владык,
Из стихий лишь изменчивый ветер
В проявлениях так многолик:
То колышет полотна тумана,
То листочком играет в пыли,
А потом посреди океана
Ураганом крушит корабли.
Всё по силам ему, виртуозу.
Вечный странник – зачем ему кров?
И ему посвящённая роза
Называется розой ветров.

Поэзия

...Не ржавыми оковами событий,
А золотом прозрений и открытий!..
М.Толчельникова

Не определяет судьбы мира,
Изгнана на свой чердак под крышей.
Грустно за Поэзию, чья лира
Не нужна, хотя дана нам свыше.
Но она умелою рукою
Вышивает по канве событий
Свой узор затейливой строкою,
«Золотом прозрений» и наитий.

Улыбка на блюдце

...Чтоб засиять на вечном небосклоне
«Улыбкою Чеширского кота»!
Остатки кофе вылила на блюдце,
Похожее на полную луну.
Ирина Талунтис

Остатки кофе вылиты на блюдце
Рукою торопливо… Блажь, каприз…
Кто ж знал, чем это может обернуться,
Что случай приготовил нам сюрприз.
Вдвоём сидим и наблюдаем чудо,
Дурёхи, отвести не в силах глаз.
Волшебная попалась нам посуда —
На блюдечке улыбка разлилась.
Воображенью нужен только повод,
Оно в разладе с логикой простой:
Мне почему-то вспомнился тот город
И кофе тот, божественно густой, —
Подобие любовного напитка,
Того, что предназначен лишь двоим,
И человек, что был моею пыткой,
Был счастьем и мучением моим…
Возможно, центр магического круга —
Наш столик, где давно уже вдвоём,
Взволнованные, мы сидим с подругой,
Допили кофе и чего-то ждём.
Её рукой, изящною и гибкой,
Узор волшебный создан неспроста…
А с блюдечка сияла нам улыбка,
Наверное, Чеширского Кота.

Мартышкино

1.

...Ромашек позднее цветенье
И белых лилий хрустали.
В.Морозов

Там – детства светлая планета,
Ромашек – целые поля,
Там бесконечно длилось лето,
Тянулись к небу тополя.
Ткал август лета паутинки,
Манил залив, ведь там, вдали,
Сияли жёлтые кувшинки
«И белых лилий хрустали»…
Душа моя твердит упрямо,
Что это вовсе не конец,
Там дом, поёт там песни мама
И что-то мастерит отец.

2.

Ирине Талунтис

Там, где к воде склонились ивы,
Давным-давно большой медведь
Сошёл воды попить к заливу,
Чтоб тут же камнем замереть.
Большой лобастой головою
Навеки он к воде приник
И шепчется с водой живою,
Пока безмолвствует тростник.
Вглядись внимательнее в юность —
Двойной ведёт от камня след…
Там мы с тобою разминулись,
Однажды… и на сорок лет.

* * *

Гость незваный на жизни весёлом пиру,
Чашу горькую тихо приемлю.
Дней моих календарь шелестит на ветру,
Лепестки осыпая на землю.
Золотых там немного. На пальцах руки
Можно счесть, не собьёшься со счёта,
Но под мрачною грудой свинцовой тоски
Не померкла на них позолота,
Согревают лучами, искрясь и маня
Всеми красками светлого рая…
Утешают. А может быть, дразнят меня,
Искушая надеждой... Не знаю.

* * *

Говорят, Земля когда-то представлялась людям плоской,
И они изображали и, возможно, неспроста,
Реки, горы и долины на тарелочке в полоску,
А тарелку эту тащат три задумчивых кита.
Но потом путём наитий, вычислений и открытий
Доказали – это сфера, отнесли в разряд планет.
И с тех пор Земля, как надо, по своей плывёт орбите,
Так что, предки, извините, – здесь китов и рядом нет…
Но сегодня мне приснилось, это было очень странно,
Что Земля – огромный мячик над космической рекой,
А на нём рисунок виден: континенты, океаны, —
И дельфины в мяч играют… Ну, к чему бы сон такой?

Нелли Бородянская

Железные цветы

Октябрь.
Сквозь листопад Михайловского сада
В окладе золотом уходит в небо храм.
Железные цветы, – вплетённые в ограду —
Все в жёлтых мотыльках, прильнувших к лепесткам.
В мозаике листвы, на хрупком покрывале,
Лежит убогий бомж – избитый и ничей,
Сегодня в храм войти ему опять не дали,
В последний раз войти – согреться у свечей.
В обрубках пальцев рук он жёлтый лист сжимает.
Прохожие идут. На храм кладут кресты.
Звенят колокола... Бродяга умирает,
И смотрят на него железные цветы.
Железные цветы – тюльпаны, хризантемы…
А он в своём раю... У каждого свой рай.
В его раю весна. Там, у ворот Эдема,
Черёмухи цветут, бушует Первомай.
В руке его флажок… внизу смеется мама.
Он, маленький совсем, – на шее у отца…
А люди всё идут… и крестятся у храма,
И кутают в плащи железные сердца.

Баллада о неизвестном солдате

Алым солнцем истекал закат.
Каждый яр окопом был и дзотом.
И свинцовый дождь косил солдат
Межнациональной нашей роты.
Силы были слишком неравны.
Погибали. Но не отступали.
Пал последний... Пал за честь страны.
Шагинян, а может Мосхавале...
Гончарук, Зозуля или Плятт,
Лифшиц, Исмаилов… Неизвестно.
И неважно – просто НАШ солдат.
По-советски правильный и честный.
. . . . . .
Догорал закат один на всех.
Догорала хатами деревня.
Красный снег… Фашистов чёрный смех…
Виселицы прямо на деревьях…
По сугробам мчались босиком
Полем к лесу мальчики-подранки,
Загнанные... Падали ничком...
Падали – под гусеницы танка...
Детской кровью опьянённый вдрызг,
Фриц не знал, что близится расплата...
Из небытия, из алых брызг
Вырос ОН с карающей гранатой —
Гончарук, Зозуля или Плятт,
Хайми, Сакалаускас, Плисетский,
Иванов... Неважно – наш солдат!
Правильный и храбрый – по-советски!
Детские закаты на снегах
Тень его к отмщению воззвали.
Он стоял – на сломанных ногах,
Шагинян, а может, Мосхавале...
За тебя стоял и за меня...
. . . . . .
Из металла камня и бетона.
Перед ним у вечного огня
Развевались гордые знамёна.
Но когда пошёл на брата брат,
Разрывая Родину на пазлы,
Сыновья и внуки тех ребят
Подогнали краны да КамАЗы...
Загудели пилы, трактора,
Заработал мощный экскаватор.
С помощью взрывчатки «мастера»

Добивали стойкого солдата.
И лежал поверженный солдат...
Мимо проходили, проезжали
Шагинян, а может Мосхавале...
Алым солнцем истекал закат.
. . . . . .
Оторвалась от небес звезда...
И они как будто покачнулись —
Это ваши деды, господа,
От стыда в гробах перевернулись...

Илья Брагин

* * *

Я выполнил свой долг перед тобой,
И что с того, что раны кровоточат?
Зато душа свободна и не хочет
Признать, что бой проигран был судьбой.
Проигран бой. Враг жёстче и смелей.
Ему победа кажется прекрасной…
Но выход есть: быть одиноким властно,
Не в схватке быть, а воспарить над ней.

* * *

Морозный воздух. Снега тайна.
И ветра спущенный курок…
Я встретил Вас почти случайно
И от виденья изнемог.
В паденье безразличном снега
И трепетанье сонных звёзд
Внезапно умиранья нега
Явилась мне, как на погост.
Я вспомнил лета полыханья,
Чтоб отрезвить себя чуть-чуть,
Но это смутное желанье
Лишь духу преградило путь.
Я полюбил Вас незаметно:
Так ночь идёт на смену дню.
Возможно, нужен мне ответ, но
И безответно Вас люблю.

Память

Озираясь назад, память всё подменяет:
Там, где выщерблен день, мнится правил парад,
В апогее томлений, сомнений и мает
Видишь, ближний, предавший тебя, всё же брат.
Там где был ты влюблён – адвокат Достоевский,
Что там! Сам ты артист, и роман – лишь игра.
Дон-Жуан – тоже роль, ты играл её с блеском,
Контрапункт – покаянье прошёл «на ура».
Там, где был ты не нужен – находишь загадку
И какой-то ещё в суете видишь толк.
Ну, а там, где ты слаб и подвержен припадку,
Дурковато душа скажет: «Выполнен долг».
В этом мире, увы, выживает сильнейший.
Если Богом целован, то всё нипочём.
Память всё подменяет. За это нежнейше
Я пою свою память молитвы ручьём.

* * *

Через речку положен мост.
Вьётся речка – змеиный хвост.
На мосту ловит рыбу дед,
Рядом – старый велосипед.
Я в дела его сунуть нос
Постеснялся, а старый пёс
Подошёл и обнюхал вмиг.
Дед ругнулся, но в дело вник:
Покормил, пожурил чуток…
Пёс продолжил свой марш-бросок.
Посмотрел вслед ему рыбак,
Улыбнулся, – он был добряк.
И забросил по новой снасть,
Ощущая к рыбалке страсть.

Алексей Бриллиантов

Трибуну

Посвященье В.

1.

День выеден. Распахнуто окно.
Улиткой липкой заползает вечер.
Черновиком, зарытым под сукно,
Ждёшь миг, когда в зените вспыхнут свечи.
Как будто он изменит ход времён:
Вот-вот – и ты витаешь на орбите,
Не в муках старта, а уже в зените,
И целишься примерить Орион.
Вот-вот – и толпы суетных племён,
Бросая пропылённые кибитки,
Без бичеванья и призывных свитков
В Орду собьются, в цвет одних знамён…

И гребни волн достанут небосклон…

2.

Но гаснет небо, розовея дном.
С востока в город катит гулкий топот,
Неотвратимей, чем цунами рокот —
И хлопоты ордой владеют днём:
Расставить свечи, выбить шёлк знамён,
Бич перевить и снова свиток править,
Да так, чтобы Последний из племён
От крыльев беркута в себе нащупал память,
Желая небосклон отбить у волн,
Под пастбища наметив Орион…

3.

Век выеден, и влажен небосклон.
А под сукном потомки что-то ищут:
Не то шелка обветренных знамён,

Не то строку в клочке бумажки писчей.

Выбор

Этот выбор ни прост, ни сложен,
И открыт, как прямая речь:
Если шашка ползёт из ножен —
Значит, в поле назрела сечь.
Если сечь – значит, алой солью
Будет залит закат и ночь,
И дороги: одна к застолью,
А другая – от жизни прочь.
Век с похмелья оброс осотом —
Не проймёт и «ядрёна мать»…
Но соху поливаешь потом —
Ржи встаёт золотая рать.
Мне неведомо имя Бога.
Я не видел его послов.
Не смогу я среди уБОГих
Лик его написать со слов.
Но на каждой развилке – встреча;
Каждый день открывает новь:
Пот – на дело;
За правду – сеча;
Выбор – с Ним;
Ну а ОН – Любовь.

Таинство

Мне ль искать, что истину, что Бога…
Вот затеплю тонкую свечу,
Понесу, куда ведёт дорога,
С багажом, назначенным плечу.
Шелест облетающей гордыни
Вниз, под корни, будто бы я клён,
Что с обрыва ветками слепыми
Силится ощупать небосклон:
Там, где к алтарю придёт дорога,
К образам нетраченных святынь,
Где вопросы зябнут за порогом,
А ответы – рослая полынь.
Что ж искать, что истину, что Бога —
Их не разместить душой одной,
Разве искрой, иль крупицей, слогом,
Брызгами над рухнувшей волной…
. . . . . .
Утро будет тихим и урочным.
Бережно, как редкостный кристалл,
Подниму с листа четыре строчки,
Что в ночи мне кто-то диктовал…

Горизонт

Там, где ходят кони золотистые
По урезу голубых небес,
Где прибойной пеною слоистою
Облака нанизаны на лес,
Где багрянцы и пурпу́ры бесятся
В топке догорающего дня, —
Синий луг до черни выбрит месяцем,
Звёздная царапает стерня.
Где гнездовья вьют ветра и радуги,
Где живут и завтра, и вчера, —
Там начало Волге есть и Ладоге,
И туда нацелен взгляд с утра.
Где туман кромешный прячет истово
Снившийся Колумбу континент, —
Там недосягаемые пристани,
Где творца припрятан инструмент.

Поэт

Поэтов производят не Союзы —
Неловкий трепет юного крыла,
Дождливый ритм на козырьке картуза
Да сердце зацепившая стрела.
В поэты производят не владыки:
Вне власти их луна, весна, века,
В размер строки вагонный лязг на стыке,
Безмолвная закатная река.
Поэтов не разводят факультеты:
Как ни шлифуй, а в туфе нет карат.
И сложенные правильно сонеты
Без милой не влекут в Эдемский сад.
Поэта пробуждает не желанье,
Не практика, не чувств веретено:
Сквозь плоть наружу режется исканье
Души, которой пусто и темно.
Поэт – не свет, не тень, не долг, не выбор:
Он – зеркало. Он – дар земли – родник.
И спать бы мог, но слог ломает дыбой.
И кто-то жжёт негаснущий ночник...

Дежурка, или сиротство света

Пока ещё горит свеча,
Гоняя тени в зыбком круге.
Ночь во дворе, напившись вьюги,
На дверь кидается рыча.
Но всё ещё горит свеча,
Теряя стать в оплывшем воске.
Глядит плакат какой-то плоский
Ко мне в блокнот из-за плеча...
И всё ещё горит свеча.
Горит строка – фитиль поэта,
И, верю, вновь постигну это:
Горит пока ещё свеча...
Свечей и звёзд в безбрежье мрака
Извечно тлеют огоньки,
Друг к другу жутко далеки.
Но спутаны, корнями злака,
В пространствах тянутся лучи,
Что Ариадны нить в ночи.
И я спешу – свой луч плету,
Чтобы искро́й – за пустоту,
И тени в круге таял след,
Пока свече отпущен свет...

Сердце ночи

Тишины безъязыкий качается колокол.
Стынет небо, сиянием звёздным исколото.
Не находится взгляду ни стен, ни опоры —
Прячет полночь в провалах былинки и горы.
И мечтает душа на околице тела
О своём возвращении к вечным пределам.

Алла Бройн

Море

Когда весь мир со мной в раздоре,
Боль от потерь стучит в висок,
Я вспомню ласковое море
И тёплый солнечный песок.
В тот миг, когда не устоять мне
Под шквалом жизненных штормов,
Кидаюсь я в твои объятья —
Ты всё поймёшь без лишних слов.
Волной в руках твоих забыться
Под упоительный прибой
И Афродитою явиться,
Рождённой пеною морской…

Апрель

Снова голову заморочил
Юный ветреник плут-апрель.
Он меня разбудил с полночи,
Как Снегурочку в сказке Лель.
Я, окно распахнув, мечтаю,
Пью весеннюю благодать.
Я со снегом последним таю,
А с туманом учусь летать…
Мне в весеннюю ночь не спится.
Птичьей трелью звенит капель,
И поёт, опустив ресницы,
О любви златокудрый Лель…

Разговор с осликом

Не печалься, милый грустный ослик.
Мы с тобой немножечко похожи.
Тычешь мне в ладонь свой тёплый носик
И глядишь из-под ресниц тревожно.
Запряжённый в пеструю повозку,
Бегаешь по замкнутому кругу,
И мелькают чередой берёзки
В хороводе чинном друг за другом.
Хочется скакать тебе на воле,
Луг топтать, который солнцем дышит,
Только ты, своей покорный доле,
Целый день катаешь ребятишек.
Хорошо, когда смеются дети,
Их вози в жару или в ненастье.
Для того и созданы на свете
Мы, чтобы дарить друг другу счастье.

* * *

Кузнечик смолк. Печальным вздохом скрипки
Застыло лето в предосеннем стоне.
Так скоротечна летняя улыбка!
Вновь осень будет царствовать на троне.
Она придёт непрошенною гостьей.
Проснётся сад от стука яблок спелых.
Ведь не звала красавицу я, просто
Она меня спросить не захотела.
Ну а пока она листвы не тронет —
Вдыхаю аромат цветущих флоксов
И думаю, как жизнь не проворонить
В чаду осеннее-летних парадоксов…

* * *

Воздух Крестовского свежий,
Летним дождём напоённый…
Ветер с залива небрежно
Гривы растреплет у клёнов.
Липам пригладит макушки,
Высушит гроздья сирени.
Вновь растревожат мне душу
Запахи, звуки и тени…

* * *

Одинокие души блуждают в тумане.
В этой жизни они – как в морях корабли,
И, случайно сойдясь в штормовом океане,
Помогают друг другу доплыть до земли.
Притяжение душ в штормовой непогоде
Нарушает теченье привычных минут…
Их невидимый ангел друг к другу приводит,
И, как в зеркале, души себя узнают.
Помоги им, Всевышний, смирив расстоянья,
Обрести в этом мире покой и приют.
Светлый ангел в ночи никогда не обманет,
Если души друг другу надежду дают.

Александр Брыков

Незатейливый вальсок

1.

Петербургские дремлют каналы,
Петербургские дремлют мосты…
В глубине их томятся устало
Вод потоки, темны и пусты.
Над Невою опять непогода,
Руки прячутся сами в карман…
Мелкий дождик опять на Обводном,
А на Карповке снова туман.

2.

Отразится в Смоленке случайно
Лодки старой прогнивший остов…
А какие скрываются тайны
В тёмных сводах гранитных мостов?..
Берега Чёрной речки в тумане…
И на Невках царит полный штиль.
Тихо спит в предрассветном дурмане
Беспокойный ночной Оккервиль…

3.

Ветер носится в невской тельняшке,
Листьев жухлых несёт шепоток…
Присмирели Фонтанка и Пряжка.
Тихо Шкиперский дремлет Проток…
Не проснуться и Мойке под утро,
Ветер осени ряби нагнал…
И мерцает седым перламутром
Рядом с Мойкою Крюков канал.

4.

И привычным осенним ненастьем
Ты, дыханье своё затаив,
Наблюдаешь, как с божьим участьем
Просыпается Финский залив…
Как подсвеченным северным утром
Волны тихо уходят в песок…
Лишь поэтому над Петербургом
Незатейливый слышен вальсок.

Ещё ничто не предвещало

Ещё ничто не предвещало,
Ещё не падал мелкий дождь,
И небо слёз не обещало…
И я не знал, что ты уйдёшь.
Ещё счастливыми казались
Все дни и ночи напролёт.
И улыбаться мы пытались,
Не зная, что произойдёт…
Ещё сирень в садах не чахла
Сияло солнце, как всегда.
И расставанием не пахло,
И птицы пели у пруда…
И ты опять мне всё прощала,
И «хэппи энд» был, как в кино…
Ещё ничто не предвещало,
Но было всё предрешено.

Николай Бутенко

В парке осень

В парке осень. Дождь грибной
землю заливает.
Листья кружат надо мной
журавлиной стаей.
Лодку утлую в пруду
к берегу прибило.
По тропинке я иду
на свиданье к милой.
Пусть я вымок и продрог,
простужусь под вечер,
нет мне сладостней дорог,
чем любви навстречу.

Песня

Где-то там, вдали, за речкой
песня дивная звучала.
Не стучи ей в такт, сердечко,
не споют её сначала.
Ей, в долине, одинокой
безразлично горе чьё-то.
Ей самой в ночи глубокой
опечалил сердце кто-то.
Ей самой в долине тёмной
затеряться бы навечно
да шептать ветрам бездомным
о делах своих сердечных.

Исповедь

Не дай-то Бог:
под утро пожалеть,
что день напрасно прожит был вчера,
а завтра вновь спокойной жизнью тлеть,
без радости, без цели и добра;
лишиться сна, покоя и угла,
по миру с равнодушием брести,
и ради чрева крохи со стола
лихой судьбы безропотно смести;
талант, что дан природой, загубить,
предавшись славе, пьянству, бытию,
использовать, предать и позабыть
всех тех, кто мне доверил жизнь свою;
на холмике пощады у земли
не вымолить на кладбище дедов,
а изгнанным, от Родины вдали,
замкнуться в одиночестве годов;
при свете дня не сбиться бы с пути,
зло обойдя спокойно стороной,
и не прощённым в мир иной уйти,
возненавидев светлый мир земной;
в свой судный час услышать от врагов,
что в пользу их я предавал друзей
и дал душе – бесчестие грехов,
а имени – проклятье матерей!
Не дай-то Бог…

Дорога к Богу

У каждого к Нему своя дорога,
ведущая сквозь мглу и бурелом,
но к каждому одна для всех у Бога,
зовущая нас в храм, как в отчий дом.
Где тень распятья перекрёстком ляжет,
пред выбором благословляя нас,
ступай! И пусть душа тот путь укажет,
где ей дышать свободней, чем сейчас.

Память

За упокой зажгу свечу…
Припомнив всех, я задыхаюсь, —
и имя каждого шепчу,
кого хоть раз обидел… Каюсь.
О, память! —
Времени вино,
хмельное, горькое, как зелье,
нам в виде совести дано,
как бесшабашному похмелье.
А Время лечит и летит,
всё унося в забвенье, в Лету…
Пусть Бог простит, и мать простит,
но память душу бередит,
чтоб в смертный час призвать к ответу.

Триада

Союз мужчин не знает трещин,
покуда нет меж ними женщин,
покуда слава и богатство
не посетят святое братство.
Увы! Коварная триада
разит мужчин не хуже яда!

Восхищение

Под чистым небом – радужные дали,
в лучах вечерних – жёлтые луга.
Как вы прекрасны, в девственном начале,
когда весною с вас сойдут снега!
Цветы в саду не видят цвет свой нежный,
в дыханье сна – себя таёжный лес,
и океан – простор свой безмятежный,
и красота – своих земных чудес.
Как сладко мне парить над облаками,
спускаясь к морю горною тропой,
моими восхищёнными глазами
природа наслаждается собой!

Золотые наливы

Падают яблоки в осень
с шелестом тихим под ноги,
Будто с собою уносят
в вечность земную тревоги.
Их золотые наливы,
в дом принесённые нами,
так же, как прежде, красивы,
пахнут дождём и ветрами.
Завтра морозы и вьюга
сад опустевший отбелят.
И не узнают друг друга
яблони в белой метели.

Виктор Васильев

Ломоносов

Полярный край. Ветров раздолье,
Борьбы и мужества залог...
Рыбак Михайло – сын Поморья —
Шагнул во мглу через порог.
Собрался он не в Холмогоры,
Куда на праздники ходил.
Тысячевёрстные просторы
Пред ним вставали впереди.
Его за снежною пустыней
Ждала с владимирских времён
Патриархальная Россия —
Страна серпов и веретён.
И он, мужик широколобый,
Оставив прошлое в ночи,
Шагал в Москву через сугробы
Россию азбуке учить!

Ночь таёжная

Чары холодные, тайные,
Месяц разлил над тайгой.
Дремлют просторы бескрайние,
Белый туман над рекой.
Тени костёр догорающий
Гонит к ночной вышине;
Грустная песня товарищей
Тает в густой тишине,
Звёзд хоровод беспорядочный,
Сов бархатистый полёт...
В царстве пугливом, загадочном
Мудрая сказка живёт.

Письмо нежданное

Южные сумерки,
света мерцание.
Цигарку на койке
кручу по-солдатски.
Письмо на подушке
лежит в ожидании:
Знакомые буковки,
штамп Ленинградский.
Письмо я читаю,
теплы его строчки.
Сегодня в душе
у меня воскресенье.
И пахнут весною
скупые листочки:
Ты пишешь: «Целую,
не жду разрешенья».
Ты пишешь, что будешь
незримо со мною,
Тебя я не смею
забыть на минутку...
Один лишь вопрос
не дает мне покоя:
Ты пишешь от сердца
иль все это – шутка?!

Светлана Васильева

Тень

Тень моя далеко, на другом берегу.
Я добраться, пожалуй, туда не смогу.
Все дороги черны, потерялись в ночи,
И холодные бьют под водою ключи.
Вот плывут облака в волнах звёздных морей,
Вот попала луна в сети чёрных ветвей.
Может, тень не моя на чужом берегу?
Может, я от неё навсегда убегу?
Тонет елей покой в бездне сонных глубин,
Чуть касаются звёзды их острых вершин.
Тень меня увела в сон таинственных вод,
Где безвременье воду бессмертия пьёт.

* * *

Дано любви другое зренье —
Любовь трудна для осмысленья.
Не мира нашего познанье —
Иное, чистое дыханье.
И не любовь слепа, а мы
Не отличаем свет от тьмы.
Нам просто страшно.
В мире этом
Такого не бывает света.
И Бог простит, наверно, нас,
Глаза закрывших в трудный час.

Юрий Виноградов

* * *

Опять я осень жду,
Как первого свиданья.
Что увядает – дорого вдвойне.
Забытые, спешат ожить страданья,
И боль их разгорается во мне.
Чьих глаз печаль и блеск я снова вижу?
Чьих рук далёких чувствую тепло?
Как в юности, люблю и ненавижу,
И на душе, как в юности, светло.

*** * ***

М.Г.

Кончается октябрь. Печален лес…
В березняке светло от листопада.
В замёрзших омутах – глаза небес
И сосен затаённая досада.
Как искренна печаль осенних ив…
Прозрачны родники и так глубоки,
Что кажется, глоток из них испив,
Я пью Земли живительные соки.
Природа мне – наставница и мать,
И лучший друг в любое время года.
Я, как она, способен увядать
И возрождаться так же, как природа.

Эклога

Но туман не шелохнётся…
А. Блок

«Но туман не шелохнётся»,
Колонистский парк притих.
Над собором тихо льётся
Свет вечерний, светлый стих.
Над «Царицыным покоем»
Загорается звезда.
Тонким сумеречным слоем
Покрывается вода.
Ольгин пруд яснее, чище
Отражает тростники.
В старых ивовых ручищах
Запах озера, реки.
Тихо замок оживает.
В окнах вспыхивает свет,
И на занавесях тает
Чей-то тонкий силуэт.

* * *

Как пахнет донник у дороги…
Теплынь, и солнце, и покой.
А над забытою рекой
Озёрной чайки облик строгий.
Её печальный резкий крик
Застыл над листьями кубышки.
Здесь зона, здесь колючка, вышки.
И тихо плещется родник.

Ольга Виор

Семейный портрет

В клетке попугай зелёный. Рядом кот.
На полу их пёс огромный стережёт.
Дочка, муж, за кадром где-то я,
В сборе вся моя весёлая семья.
Взгляд зацепится за фото невзначай…
Мужа бывшего я не зову на чай,
Дочка выросла, псу подошла черта,
Но сначала – попугай достал кота.
Он дразнил его, клевал, ходил у ног.
Кот однажды совладать с собой не смог.
Пара пёрышек зелёных на окне,
Кот исчез потом с балкона по весне.
Сколько судеб в старых снимках, сколько лет…
В годы прожит*ы*е я возьму билет,
Сядем с дочкою на кухне мы вдвоём,
Полистаем вместе старенький альбом.

* * *

Хочется тебе помочь. Нечем.
Ну, поплачься на груди, что ли?
Этот странный и пустой вечер
Словно создан для чужой боли.
Для моей бы подошёл тоже,
Но на несколько веков раньше.
Ведь страданья у людей схожи…
Просто я тебя чуть-чуть старше.

Натюрморт

На старой клеёнке расцветки неброской
Повытерли годы цветы и полоски,
И бледное блюдце с отколотым краем
Венчает лимонная корка сухая.
Растаяло масло в зелёной маслёнке,
Просыпалась соль из хозяйской солонки,
А сам он взирает серьёзно и строго
На дом свой родной перед дальней дорогой.
Внимательно смотрят глаза с фотоснимка
А дочка с женой тихо плачут в обнимку.
Никто и не думал, а вышло-то вот как …
Под хлебом в стакане «Столичная» водка.

Мопассан

Час пик. Метро. Рассказы Мопассана
У девушки, стоящей надо мной.
Вагон – битком, и смотрится чуть странно
Нелепый плащ и шарфик кружевной.
Старательно накрученные пряди,
Невзрачное колечко с бирюзой...
И хочется спросить – чего же ради
Таскаете тяжёлый том с собой?
Уступит место молодой парнишка,
Она, от чтенья глаз не оторвав,
Кивнёт, уткнувшись в старенькую книжку,
Одной из героинь рассказа став.

Февраль

Февраль. Достать чернил и плакать…
Б. Пастернак (1912)

Минус двадцать, февраль и Питер.
Дом не топят вторые сутки.
Спать ложусь – надеваю свитер,
Всё равно замерзают руки.
Карандаш со свечой на кухне —
Девяносто квартир без света.
Этот мир несомненно рухнет…
Свет в ночи – вечный путь поэта.
Как же можно так жить, послушай!?
Мы в культурной столице, вроде?
В феврале умер Саша Пушкин,
А курок до сих пор на взводе.
Убиваемся, убиваем…
Бьёмся грудью об лёд, что толку?
Лишь любовью обогреваем
Этот день, эта жизнь, и только.
Взгляд назад – оседают лица.
Как же душно мне здесь, как душно!
С февралём я готова слиться,
Мне чернила искать не нужно.

Родина

Петербургские трущобы,
Го́рода окраина.
Рассыпаются «хрущобы»,
Гибнут без хозяина.
Нет воды горячей летом,
А зимой, как водится,
Весь квартал сидит без света —
Свечками обходится.
Жгут бомжи костры в подвале —
Стены в чёрной копоти.
Дверь отмоется едва ли…
Им бы наши хлопоты!
Эх! Весёлый мой посёлок!
Хулиган на гопнике!
С Коллонтай до Новосёлов —
Панки, фрики, готика…
За стеной опять веселье —
Вечная бессонница.
Что ни ночь, то новоселье,
Некогда опомниться.
После трёх – орут в полсилы,
Затихают вроде бы…
Дочь вчера меня спросила:
«Что такое Родина?»

Школьная фотография

Типичный снимок
Типичной школы.
Кто с кислой миной,
А кто – весёлый.
Девчонки в платьях,
Мальчишки в «двойках».
Вот это – Катя,
А это – Борька.
У Машки рожки —
Понятно людям:
Петров Серёжка,
Он Машку любит!
А вот Иришка,
Моя подружка.
У нас с ней книжки
Важней игрушек!
Дружили так, что
В огонь и в воду!
Забылось как-то,
Затёрли годы.
Теперь всё реже,
По юбилеям…
А я-то где же?
А я – болею.

Павел Волчик

* * *

Что мне в шелесте листьев?
Молитвы девичьей прошение…
В этом парковом храме
Деревья поют об одном:
Пережить холода в городах
И другие лишения,
Целовать южный ветер
Зелёным трепещущим ртом.
Ты вошла в кабинет,
Разметав в свежем воздухе руки,
Шлейф обманчивых слухов
Втащив в незакрытый проём.
Нет слюнявой романтики
В тихом молитвенном звуке,
Только веток качание
В небе моём голубом.
Ты взяла молоток —
Застонали отчаянно гвозди
От ударов по шляпкам
Взревел обезумевший дом,
И доскою закрыв
Облаков белоснежные грозди,
Ты ушла. Я остался сидеть
Под забитым окном.
Не ищи торжества —
Я не злюсь, неумелый мой мастер.
Отболела на сердце горячем
Живая тоска.
Что мне в шелесте листьев?
В нём нет твоей мстительной страсти…
Я люблю и дышу —
оторвалась
от рамы доска.

* * *

Лихо ночное лапой остылой
Звёздные зёрна в ступе месило,
Пыль пропуская сквозь хвойное вито,
Сыпало сахар в земное корыто.
Иней звенел в предрассветном покое.
Город покрылся алмазной мукою.
Вышел из дома, пошёл к электричке.
Тоненький месяц девичьей ресничкой
Лодочкой в море пурпурном купался.
Сверил часы, всё на месте, собрался.
Вдруг, отражаясь от стёкол машинных,
Жарким хребтом разрезая вершины,
Чудище доброе влезло на крыши,
Иней слизало с асфальта и дышит.
Лихо ночное зарёй закатилось,
В тени домов убежало и скрылось.
Кто-то поджёг в небесах занавески,
В дымчатых струйках сияют подвески:
Труб заводских не погашены спички!
Я на работу спешил по привычке…

Предчувствие

Море золотое станет хлебом…
Тучи взбухнут жидким серебром,
Ласточки, придавленные небом,
Взрежут нивы шёлковым серпом.
Ветер по лесам тугой пригоршней
Вычешет трухлявый сухостой.
Чаще запорхает хищный коршун,
Над равниной мертвенно-пустой.
Рыбьей чешуёй заблещут лужи,
В лихорадке спляшут провода,
И внезапный шквал обезоружит
Неженок, живущих в городах.
Как пою я в этой пьяной буре!
Как душа резвится вместе с ней!
Я вожусь с устройством новой сбруи
Для моих Пегасовых коней.
Дикий храп пускай тебя не будит,
Не нарушит цокот выдох-вдох,
Под периной трепетные груди
Не встревожит утренний вспо́лох.
Не услышишь шороха и всплеска,
Не поднимешь замерших бровей,
Только всколыхнётся занавеска,
В полутёмной комнате твоей.

Ольга Воронцова

* * *

Вниз с холма сбегают две дороги:
На одной – толпы безликой след,
На другой – смешной и длинноногий
Полунищий юноша поэт.
Но, увы, никто ему не внемлет
В чёрно-белом мире без прикрас —
Он не сеет и не пашет землю,
Не кутит в корчме в досуга час.
Он виновен в том, что звуки лиры
В колыбели с детства услыхал
И увидел все богатства мира
Через призму сказочных зеркал.
Муза шепчет, не даёт покоя
(Сам поэт лишь ведает о том),
К небу вознесён своей строкою,
Он изгоем стал в краю родном.
И живёт он вечно одиноко
В стихотворном мире на листе,
Ведь в своём отечестве пророка
Не признали даже во Христе.

Шахматы

В моей стране всегда война.
И в клетке чёрного квадрата
Я одинока, но сильна,
Я – Королева Шахамата.
И в центре шахматной доски,
На самом чёрном в мире троне,
Я засыхаю от тоски
По беломраморной короне.
Квадратный мир безумно мал,
А я хочу простора власти;
Мой господин – как мой вассал,
А я желаю взрыва страсти.
Чужой престол в моих мечтах,
Чужой Король, как змей для Евы.
Мой избалованный, Вам шах
И сердце Чёрной Королевы.
А Вашей царственной жене
Пойдет кипенно-белый саван,
А белый плащ её на мне
Пускай красуется на славу.
Вдруг… Слышу голос, как набат.
Похож на мой, но полон гнева:
«Моя соперница, Вам мат
И смерть от Белой Королевы».

Поэт и Беатриче

Тон твой резок, а смех неприличен.
Но когда ты приходишь к нему,
Он-то знает, что ты – Беатриче,
В бело-сером табачном дыму.
Отражаясь в раскрылиях окон,
Непрерывно дрожа на ветру,
Для него твой сверкающий локон —
Словно солнечный луч поутру.
Глаз поэта – звезды сердцевина.
В нём сквозь сотни неведомых призм
Ты мила и по-детски наивна
И нарочно играешь цинизм.
А когда ты, как нимфа без платья,
Без стесненья ныряешь в кровать,
Для него ты – Мадонна в объятьях,
Он не смеет тебя осквернять.
А тебе это даже и лучше —
Слишком странна такая любовь.
Что же взять-то с него? Только душу,
Не богатство, не хлеб и не кров.
Не такой ли была Беатриче?
И была ли? А может, и нет.
Только жил в поднебесье, по-птичьи,
Ослеплённый любовью поэт.

Валерия Вьюшкова

Поле Куликово

Под серой ватой облаков,
Как под уютным одеялом,
Вздремнуло поле… Шесть веков
Прошло с тех пор, как здесь стояла
Русь против Золотой Орды…
Характер русского народа
Ковался молотом беды.
Мы – с поля Куликова родом.
Смерть и Победа – наравне
Решили здесь судьбу России:
Перед лицом угроз извне —
Единой стать, огромной, сильной!

Детская роща

Пригорок за сараем…
Тропа… Трава густа…
Нам, детям, – был он раем!
Два или три куста
Да рослая берёза
Давали нам приют.
От грозной власти взрослых
Мы укрывались тут.
Мы в играх создавали
Фантазии миры.
Мы детские печали
Меняли на дары
Общения. В нём зёрна
И плевелы растут…
Что – честь, а что – позорно
Мы постигали тут.
Иллюзии не строю.
С тех пор прошли года.
Не сходна жизнь с игрою.
Я больше никогда
Не чувствовала общность,
Защиту и уют
Далёкой детской рощи…
Души истоки – тут.

Кошка

Голубая лунная дорожка
Третью ночь ложится на паркет
От окна – и до угла, где кошка
Спит обычно…
Кошки, впрочем, нет…
Кошка,
Вновь поддавшись страсти пылкой, —
Убежала погулять с котом…
С блохами и плешью на затылке, —
Но счастливой, возвратится в дом.
Третью ночь мне снится:
От окошка
По дорожке лунной голубой
Дюжину котят ведёт мне кошка,
Хвост задрав торжественно трубой!

Анатолий Гаврилов

Ожидание

Тихая осень с холодным дождём,
Листьев томительный хруст.
Мы ещё встреч очарованных ждём
С жарким слиянием уст.
Локонов жёлтых горячий язык
Вьётся вдоль вен голубых.
Чётким рисунком божественный лик
В мыслях застывших моих.
Ив сквозняковая даль, меж ветвей
Тени застывших надежд
Каплями жизни твоей и моей
В слабом движении вежд.
Путь нескончаемый. Сумерки. Даль.
Ветер меж веток затих.
Встреч предзакатных холодный хрусталь
В мыслях крошится моих.

* * *

Как печален лес осенний:
Скрип деревьев, ветра свист,
Ельник весь дождём просеян,
Не звенит намокший лист.
Шум шагов и шорох капель,
Как аккорда звук один.
Силуэты серых цапель
Посреди сырых равнин.
Тяжелеет свод небесный,
Всё тревожней птичий вскрик.
Далеко ли миг чудесный,
Тот желанный встречи миг?
Там, за мокрыми холмами,
За озёрным рубежом,
Между старыми домами
Незабвенный отчий дом.

Склоняясь ниц

Шуми, шуми, мой добрый лес,
Гаси слезу зари сгоревшей;
Раскройся, полог потемневший,
Мерцаньем бархатных небес.
Под тенью поросли густой
Я, словно мальчик в колыбели,
Гляжу в задумчивые ели
И слышу тихий голос твой.
Среди коробчатых домов,
Квартир бетонных и асфальта
Я вижу ситцевые платья
Твоих взлохмаченных холмов.
Перед величием твоим,
Перед твоим святым терпеньем,
Я опускаюсь на колени,
Склоняясь ниц к ногам грибным.

Цветы

Не говорите с женщиной о времени,
Не спрашивайте о её годах, —
Она в весне, в листве, в росинках, в семени,
Она – в цветах.
Она во всём: в печали и стремлении.
Мы счастливы в объятиях цветов.
Не говорите с женщиной о времени —
Я это трижды повторить готов.

Людмила Гарни

* * *

Крот прорыл «подземку» у мангала,
Словно в огороде места мало.
Аккуратненько прикрыта норка
Свежею землёю, словно шторкой.
Крот пронюхал – здесь ночами шумно,
Смех звенит от анекдотов умных,
А ему, бедняге, одиноко
В домике прохладном и глубоком.
Вот и выбрал крот местечко ловко,
Где весёлых дачников тусовка.
Только к нам наружу он не выйдет —
Вдруг в чужой компании обидят?..

* * *

Вяжу подругам джемпера,
Одной, другой и третьей…
И, вслушиваясь в скрип пера,
Пишу стихи о лете.
А Юлий Цезарь, говорят,
Умел одновременно
И легионы строить в ряд,
И речь держать отменно.
Мой отпуск быстро промелькнёт
Под танец спиц и строчек…
Стихами полнится блокнот
И тает нить-клубочек.

Виктория Гинзбург (Колесникова)

Распутье

Мечта застряла на перекрёстке.
Стоит и ищет подсказку свыше.
Там бездорожье, растут берёзки
И даже голос кого-то слышен.
Налево – память стирает числа
И грустью полнит чужие даты.
Направо… встречи, порой без смысла;
Грех, откровение, час расплаты...
Сомненья – груз для мечты излишний,
Ей надо смело стереть пространство!
Мечта задумалась… Запах вишни.
Весна. Луч солнца… Непостоянство…

Июньский вечер

В тиши лесов так много миражей,
Уснувших сказок и забытых истин.
Мы, задыхаясь в суете своей,
Сжигаем жизнь, прикрывшись
Тайным смыслом.
Порока стопудовая печать
Нас давит постоянным оправданьем.
Мы учимся себе и близким лгать
И тщимся незаслуженным признаньем.
Среди людей досужая молва
Нам кажется важней всего на свете.
И шелестят безликие слова,
И наши страхи продолжают дети.
А память детства верою жива;
В лесной тиши есть сказок острова.

Любовь и разлука

На светлых крыльях наших снов,
Где неизбежно совершенство,
Разлукой полнится любовь,
Дарует встреча миг блаженства.
Но только чувства сохранить
Порой в разлуке невозможно.
И рвётся страсти хрупкой нить
От суеты неосторожной.
Бывает, что любви бокал
Пересыхает от разлуки,
Хоть ты летал, мечтал и ждал,
От расстоянья стихли звуки.
Волненья трепетной груди
В пространстве растворились синем,
Тебе оставив от любви
Одно лишь… Имя.

Меня оставила подруга

Подруга верная забыла про меня
(Мы с ней когда-то встретились случайно).
Она была советчик и судья,
Мой оппонент и посвящённый в тайны.
С ней не бывало грустно по ночам,
Умела рассмешить в одно мгновенье,
Её воздушным ветреным речам
Внимала я, горя от нетерпенья.
Потом бумаги девственная гладь
За ней порывы мысли отражала.
Моих кудрей распавшаяся прядь
Её нередко чем-то забавляла.
Но мы расстались... Видимо, её
Теперь другие вдохновляют лица.
Подруги-Музы острое копьё
Выводит буквы на чужой странице.

Монолог Шамаханской царицы перед зеркалом в 2012 году

Мне скучно стало. Уж который век
Я соблазняю слабых, нерадивых,
А хочется, однако, быть счастливой.
Что делать, я ведь тоже человек.
Морщинка новая… откуда у меня?..
Я не прислуга – гордая царица.
Хотела вот на Прагу подивиться,
Но утомила эта беготня.
Всех мудрецов склевали петухи.
Цари… они давным давно женаты,
Сынки – глупы и часто простоваты
И соблазнять их просто… чудаки...
Людская спесь не ведает границ,
Но проявляется всегда в одном и том же.
Волшебник-звездочёт тут не поможет, —
Пред зрелищем толпа ложится ниц.
Монетный звон в сердцах, а для него
Святого нет, законов нет и правил.
Для тех, кто честь свою в утиль отправил,
Все чувства – прах, а пошлость – божество.
В Париж отправиться?! Но там и без меня
Болонский лес наполнен всякой дрянью.
Давно не посещала я Германью…
Я в Дрезден съезжу, там живёт родня.
К тому же, говорят, что петушки
Ещё сидят на тонких шпилях где-то…
Какая всё же круглая планета,
Года летят, и страсти коротки…

Память

Сыплют на душу былого крупинки;
Может, слезинки – кому-то смешинки.
Только минутами жизнь не исправить,
Снегом растаявшим полнится память.
Полнится память улегшёйся вьюгой,
Словом обидным, забытой подругой,
Недолюбившими нас за мечтами,
А иногда и пустыми слезами.
На остановках прошедшего лета
Память бывает дождями согрета,
В ней оживают забытые тени,
Светлой весны возрождают ступени.
Память порою бывает беспечна,
Чуть легкомысленна и бессердечна.
Мы в ней ошибки стремимся исправить…
Только обманом наполнится память.

Юлия Гордеева

* * *

Город хрущёвский попахивал пивом,
Каждый второй шёл с пропитым лицом.
Маленький мальчик выводит курсивом
Мат пятиярусный перед отцом.
Город подобен безликой деревне,
Где неизвестен глагол «создаём».
Невский район – верный шаг в подземелье,
Люди с рождения прячутся в нём.
Страх их терзает зажить по-другому
И развернуться бесстрашно вперёд,
Перечеркнув вековые законы,
В жизни своей совершить поворот.

* * *

В пространстве неприкрытого цинизма
Под сводами седеющих небес
Мне вспомнилась эпоха коммунизма,
Идущая с сегодняшней вразрез.
Мне вспомнились с уверенностью чёткой
Просторы в приозерских Оселькax,
Где девочка с растрепанною чёлкой
Разбрасывает сено на полях.
Высокие соседские качели,
Подвешенные туго на цепях.
Дни детства с ними будто улетели,
Оставив лишь истому второпях.
Настала перестройка, с ней – талоны
С очередями… К нам пришёл «прогресс»,
Диктуя рынка хищные законы,
Блюдя во всём свой шкурный интерес.
Но раньше, без мобильных телефонов
И даже интернетовских сетей,
Нам письма приносили почтальоны,
И были связи меж людьми живей.

* * *

Ангел света стучится мне в двери,
Шепчет, с нежностью глядя: «Держись,
Пережить помогу я потерю,
Буду рядом с тобою всю жизнь.
Не бросайся в овраг безрассудства,
Трезвый разум не вздумай терять,
Возродись, надо к жизни вернуться,
Лишь поверь, станешь прежней опять!»
Ангел света поглядывал нежно,
Гладил ласково по волосам,
Открывая дорогу надежды
И огонь возвращая глазам.

Юлия Гржибовская

Отчий дом

Наш отчий дом. Терраса и балкон,
В распахнутые окна перезвон
Врывается – весёлый птичий гвалт,
Крыльцо сбегает прямо в вешний сад:
Сирень благоухает на ветру,
Жених-жасмин томится поутру,
Акация душиста и бела
И яблоня-невеста расцвела.
Любой из нас на многое готов,
Чтоб вновь обнять двух милых стариков,
Услышать тихое «пока живём».
Не покидай же, счастье, отчий дом.

Сирень

Сиреневый туман над нами проплывает…
Владимир Маркин

В сирени утопали все дома,
Кружилось счастье в переулках лета.
Летела из открытого окна
Мелодия влюблённого сонета.
Сиреневая ночь, «сиреневый туман»
И аромат сиреневой купели…
Восторженной влюблённости роман —
Ах, как они тогда любить умели!

Виолетта Гриневич

Послания в никуда

* Смешные ниточки бытия собираются в злой узел трагедии.
* Хрупкая скорлупа независимости.
* Великие люди – маленькие сумасшедшие Земли.
* Что такое хорошо, когда всё плохо?!
* Загубленные идеи хлюпают босиком по лужам значимости.
* Только когда кувшин наполнен – он не звенит.
* Героическими усилиями заслужила отдых на краю вечности.
* Куски фраз. Вход в лабиринт мысли.
* Наша жизнь – вздох Вселенной, выдох уже без нас.
* Душу надо причёсывать.
* Взял себя в руки и случайно выронил.
* Потерял то, чего не имел.
* Разумная страсть может тоже лишиться разума.
* А соль дорог тоже съедобна?
* Бывает, жизнь преподносит подарки в виде маленькой сосульки: пососёшь – и подарка нет, а, может, его и не было?
* Подкова свалилась на меня, теперь очередь за счастьем.
* Динамит творчества сотрясает окружающий мир.
* Потерять свои иголки – обнажить спрятанное.
* Поэт стоял в очереди за вермишелью, а ушёл с поэмой.
* Как можно терпеть себя всю жизнь?
* Вероятностей много, а я одна.
* Берёза уже наклонилась, а ветер всё дует и дует.
* Камень мечты так придавил, что пропал голос, потом смысл, потом желание, а потом и сама мечта… и остался только камень…
* От горечи твоих слов появилась душевная изжога.
* Все говорят о лебединой верности, а кто расскажет о лебединой тоске?
* Стихла боль разлуки – началась пустыня свободы.

Мария Груздева

* * *

Юрию

Я в прошлой жизни лебедем была,
А может, чайкой, аистом изящным —
Лучистой белой птицей, что, крыла
Раскинув, листопадом шелестящим
С небесной любовалась высоты…
Дремало ожиданье в сердце птичьем.
Я родилась осенним утром. Ты
Меня искал в моём втором обличье,
Забыв про первое. Теперь не упрекай,
Что на Земле я белая ворона,
Что тянет в голубой небесный край
До головокруженья и до стона…
Не потеряй меня. Не отпусти.
Я человечью нежность пригубила,
Я к прошлому сожгла себе пути.
Лишь у души крылатой – та же сила.

* * *

Мужу Юрию

Сквозь осеннюю топь и слякоть,
Неуютный трамвайный звон…
Ты меня научил не плакать,
Если беды – со всех сторон.
Наземь брошенный, но хранимый
Золотеющий лист в снегу —
Это нежность моя, любимый.
Я избыть её не могу.

* * *

Ю.В.

Зима, покинув календарь,
На ветках почки сотворила.
Дождит январь, цветёт январь,
И у любви – такая сила:
Пространству, времени назло
И всем законам жизни краткой —
Зашелестеть строкой тепло,
Сверкнув для вечности загадкой.

* * *

Ю.В.

Я люблю свой возраст —
тридцать восемь.
Вот сейчас и начинаю жить.
Золотая, трепетная осень —
Чувств и мыслей солнечная нить.
Отболело сердце, отгрустило,
Обретая нежность и покой.
И откуда вдруг такая сила —
Птичью стаю приманить рукой?
Радугу зажечь, над полем сонным
Листопадной закружить волной…
Стало сердце смелым и бездонным,
Словно лунный свет в тиши ночной.
Пламенеть – не поздно и не рано.
Радостно: что было – то не зря!
Смотрит, как с картины Левитана,
Дышит зноем вечер сентября.

В Чесменском соборе

Мужу Юрию

Вспоминается всё чаще
День июньский шелестящий,
Свод старинного собора,
Сердца трепет, звуки хора.
К небесам взмывают свечи.
Лик сурового Предтечи…
И венчальная икона
Сокровенно и бездонно
Родниковый дарит свет…
Словно смерти в мире нет.

* * *

Ю.В.

Ты напрасно глядишь тревожно
И волнуешься зря опять.
Мне тебя разлюбить —
невозможно!
Невозможно тебя потерять.
Слишком долго пути-дороги
Разлучали, кружили нас…
Не могу я теперь без тревоги
Разминуться с тобой на час.
Поступь счастья
теперь я знаю,
Я сумею его сберечь…
Чтобы наша встреча земная,
Как моё кольцо, золотая,
Стала ярче небесных встреч.

*** * ***

Ю.В.

Двадцать первый век. Дремучий век.
Город коммуналок и трущоб.
Посмотри, какой нездешний снег
Выпал и тебя в ладони сгрёб.
Ты послушай эту тишину —
Зимнюю, студёную – в ночи.
Отдохни. Я тоже отдохну.
Помолчи мой город, помолчи.
Поутру проснёшься и, увы,
Задохнёшься криком, суетой.
В глубине морозной синевы
Почернеет ангел золотой.
Видишь ты рождественские сны,
Как новорождённый, ты притих,
Город, где глаза старух грустны,
Город лиц нахмуренных, чужих…
А на тёмном небе – лунный лик,
И в зрачках любимого – луна…
Так щемяще дорог этот миг.
И дремучесть века не страшна.

* * *

Тихо-тихо, плавно-плавно
Облака над миром плыли.
Жить на свете, правда, славно?
Вы когда-нибудь любили?
Вы когда-нибудь грустили?
И давно ли так? Недавно?
Облака над миром плыли
Тихо-тихо, плавно-плавно.

Андрей Грунтовский

Осень

Снова осень, и снова над полем
Сиротеет распластанный клин...
Воздух Родины пьющий запоем, —
Ну, а мы-то куда улетим!
Перед этой небесною синью
Проживаю с судьбой не в ладах...
– Не грусти, это только предзимье,
И наступят ещё холода...
Заметелит Россию, завьюжит,
Ляжет чистым пред Богом листом...
Что пропишется зимнею стужей
За морозным оконным крестом?
А повеет теплом в разговенье
Под пасхальный благой перезвон...
Реки синью набухнут, как вены,
И, взломав, понесут ледолом.
По весне, вместе с солнышком вешним,
Нас приветствуя кликом иным,
Журавли всё прощают нам, грешным...
Мы их ждём… Мы куда улетим?..

* * *

Из России мы уйдём... в Россию —
Вечность это будет или нет...
Словно на листке Твоём росинку
Я увижу всю её на свет.
В этой сфере мизерной, хрустальной
Отразится тысяча веков —
Поле, что засеяно крестами,
Звон синиц и говор родников...
И куда бы нас ни заносило,
Отовсюду Родина видна...
Из России мы уйдём в Россию —
У Христа за пазухой она.

* * *

Эх, куда, куда мне деться
От распахнутых полей!
Запах лета, запах детства,
Запах Родины моей…
Он мне мнится, он мне снится,
Вместе с ним и я навек
Рею в небе вольной птицей,
Беспечальный человек.
В поле кашка, в поле – клевер
И дремучий иван-чай...
Я лежу в траве, как в небе
С облаками по плечам...
Гнётся колос коромыслом,
Паучишки судьбы ткут...
Облака, как Божьи мысли,
В волнах вечности текут.

«Блажен, кто посетил...»

Строчки-строчки – семечки,
Что повисли бременем?
Ах, какое времечко, —
Говорят – безвременье!
Кто сказал – безвременье?
Наше дело – правое.
Кожею шагреневой
Сжалась рана рваная.
Преломились призмами
Все победы – бедами...
Мы на пир ли призваны?
С кем мы собеседуем?
Есть у нас сомнение,
Нету покаяния...
Но дана до времени
Жизнь, как подаяние!
Мы в хребтине хрустнули,
Но везём – везучие...
Али мы не русские, —
Дураки живучие!
Прыгают под темечком
Мысли мои бренные:
Ах, какое времечко,
Времечко-безвременье!

* * *

Осталось две недели
До первых холодов.
Все птицы улетели,
И мой роман готов.
Я жил, как в одиночке,
Не зная слова «ты»...
Я все расставил точки
И все сложил листы.
А дождь стучит по крыше,
Как двадцать лет назад...
Со мною только мыши
О чем-то шебуршат...
И те – уснули. Поздно...
Мечты мои тихи...
Осталась только проза
И поздние стихи...

Тамара Гусарова

* * *

Не стану пудрить кожу,
Накладывая грим.
Пока ещё пригожа —
Какая есть, люби!
И озорства, и прыти,
Влюблённости полна.
А радости открытий
Не исчерпать до дна!
Порыв мечты заветной
Готов сорваться с уст, —
Огонь пылает… тщетный?
Пусть разгорится, пусть?

* * *

Пушистой рыжею лисой
Прокралась осень меж домами.
Так поскорей глаза раскрой —
Очарованье рядом с нами!
Кругом такая благодать
И красок солнечных разливы!
Есть в осени момент счастливый,
Который нам не удержать:
Не скажешь осени: «Постой!»,
Ведь у неё характер лисий:
Она уйдёт, махнув хвостом
Из красновато-рыжих листьев…

Бабочка

Я Вам явилась бабочкой в ночи,
В окно раскрытое влетающей из сада.
Вниманья Вашего холодные лучи
Меня не согревают, и не надо.
Я к Вам стремлюсь сквозь тучи мошкары,
Кружащей и снующей оголтело…
Мне безразличны правила игры —
Я за любовью Вашей прилетела!
Ах, если б я в её огне сгорела —
Клянусь, мне это было б всё равно!
Я душу отдаю свою и тело
За то, что мне распахнуто окно.
Я – бабочка, летящая на свет:
Меня влечёт другой души лампада.
Пускай тепла от Вашей лампы нет,
Меня не замечают – и не надо.
Но, грудью ударяясь о стекло,
Я вспышку света в ослепленье вижу!
И гибну. Гибну, глупая, за то,
Что к вам хотела быть как можно ближе!..

Эдуард Данилов

Собака

Стена говорила с высью,
Окошко печально тлело.
Под ним, затаившись рысью,
Собака во тьму глядела.
И звёзд неусыпных взгляды
Топорщили душу псине.
Ведь звёздам еды не надо
В далёкой полночной сини.
А там, за желтком окошка,
На кухне еда варилась,
И сыто дремала кошка,
И время счастливо длилось.

* * *

Вот новая страница подоспела, —
Страница жизни. Прожит целый год.
Кукушечка ещё разок пропела…
Господь, убереги нас от невзгод.
Пусть, что сбылось – хотя бы сохранится.
О чём мечтал – дождётся впереди.
Всё, что мне надо, – только видеть лица
Любимых и в метели, и в дожди.
Размер потерь исследовать нет смысла.
Роптать на жизнь, возможно, – тяжкий грех.
Года идут и убегают числа…
Жизнь не прожить без каверзных помех.
У каждой жизни есть своя граница.
Но я живу, улыбки не тая.
Да, в книге ЖИЗНИ прожита страница.
Перелистну её спокойно я.

☼ Виктор Драчёв

Берёза

Погожим днём иль непогодою,
С каких неведомо времён,
За добрый нрав самой природою
Ей косогор был отведён?
Ёе крестили ветры с грозами,
Букеты молний гром дарил,
И много раз в румянце розовом
Восход ей что-то говорил.
Её ласкают воды вешние,
На ней заря порой горит.
Одна, как будто бы нездешняя,
На косогоре том стоит.
И у тропы, давно нехоженой,
У этой жизни на краю,
Всё ждёт случайного прохожего
Поведать исповедь свою.

* * *

Вышел месяц в караул,
Осветил крылечко,
Звёзды с неба сыпанул
Прямо в нашу речку.
Лунным светом моросит
На холмы, равнины,
Где над заводью висит
Гомон лебединый.
Слышу птичье соло я
Средь ветвей черешен.
Воздух трелью соловья
С мёдом перемешан.

Анатолий Дридзо

* * *

Скиталец, остановленный тобой,
Стеснённый в рамках жизненного круга,
Не обойдён я всё-таки судьбой —
Мы встретились и обрели друг друга.
Мне хватит такта чувством дорожить,
И сколько бы мгновений ни осталось,
Я каждое желаю так прожить,
Чтоб ощутить от радости усталость.
Когда надгробьем вечности скала
Моё чело придавит к изголовью,
Сквозь чёрный слой зеркального стекла
Я буду на тебя смотреть с любовью!
И если через бездну бытия
Я не смогу с тобой соединиться,
То, может быть, хотя бы тень моя
Преодолев барьер, с твоей сроднится.
И снова будет радость каждый день
В прекраснейшем из всех миров на свете,
Где ты живёшь, отбрасываешь тень,
А я лечу с тобою по планете!
Без трепета, без звука, без следа,
От близости блаженства согреваясь,
Ломаясь на изгибах иногда,
Но никогда с тобой не расставаясь!

* * *

По нему огонь не открывают
Даже на контрольной полосе,
По земле открыто он шагает,
Хоть с улыбкой ждут его не все.
Но пройдя сквозь зоны и границы,
И у нас наступит Новый год.
И должно хоть что-то измениться
С той поры, когда он к нам придёт.
Пусть и праздник уж не тот, что прежде,
В «мрачные, застойные года»,
Каждый новый – дарит жизнь надежде,
И осуществляет – иногда.

* * *

Улыбкой глаз ты повергаешь в трепет —
Естественна, изящна и стройна,
И долго в памяти всплывать должна
Того, кто этот взгляд однажды встретит.
В чём сила чар? Кто на вопрос ответит?..
Мне кажется, случайная волна
Тебя внесла в мой мир, где ночь темна,
Из сна! И как луна твой облик светит!
Замкнётся цикл, нахлынет вал опять
И унесёт нечаянное чудо,
Переместив в неведомость отсюда,
И снова нужно к мраку привыкать!
Но буду я признателен судьбе
За трепетную память о тебе.

Анна Дубинская

* * *

Я пробую ветер на вкус,
Глотаю холодные вздохи.
Я – памятник прошлой эпохи —
Придавлена грузом обуз,
Но стойко стою на ветру,
Всё больше на плечи беру:
Заботы, работу и дом —
Оставив себя на потом…

* * *

Тупик в асфальтовых заплатах,
Привычный зонтик под рукой,
А небо в грозовых раскатах
Уже темнеет за Невой.
Я не прошу судьбу иную —
Деревни, горы и леса,
По птичьим трелям не тоскую,
Когда светлеют небеса…
Здесь тесно сдвинутые стены
И разведённые мосты —
Стал Петербург моей Вселенной,
Я с ним с рождения на ты.

Дмитрий Дубков

* * *

Из старых, добрых, умных книг,
От тех, кто судьбы нам пророчит,
Узнали мы, что жизнь – есть миг,
А счастья миг – ещё короче.

Двое расставались у моста

У разлуки суть всегда проста —
Силуэт печали у разлук…
Двое расставались у моста,
Долго так не разжимая рук.
Не было обычного: «Пока!»
Не было привычного: «Прости!»
Двое расставались, и река
Молча грусть пыталась унести.
И безмолвны были облака —
От дождя влюблённых берегли.
И стояли так к щеке щека
Двое, что расстаться не могли.
Уходили в море корабли,
Поезда бежали в города,
Лишь расстаться двое не могли, —
Понимали, это навсегда.
Всё уносит тёмная вода,
Оставляя рябь свою, как след,
На её несказанное: «ДА»,
На его несказанное: «НЕТ».

Сравнения

Помнишь, милый, наши откровенья?
Словно постигая жизни суть,
Ты во всём любил искать сравненье,
Сравнивал всё что-то с чем-нибудь.
Видимо, в том было упоенье.
На поляне, в море, между скал
Черпал у природы вдохновенье
И везде сравнения искал.
Ты просил – попробуй, угадай-ка,
На кого похожи валуны?
Что отчаянно кричала чайка?
Что напоминает шум волны?
Мне казалось, что со мною – гений,
Кру́гом голова от этих фраз,
Не вздохнуть, не охнуть от сравнений.
И меня ты сравнивал не раз
С ветром, с облаками, или с градом.
Но тебя, мой милый, не виню,
Я таким сравненьям даже рада.
Можно я тебя теперь сравню?
Знаешь, дорогой, я – не гадалка,
Крест такой мне, видно, Богом дан,
Тяжело нести и бросить жалко,
Милый – ты похож на чемодан.

Мудрец и жрец (притча)

У мудреца однажды жрец
Спросил:
– Ты видишь мой дворец?
Там поклоняются богам,
Там счёта нет златым деньгам,
И я, его верховный жрец,
Вершитель судеб и сердец,
И непокорные в огне
Сгорают, коль угодно мне.
А ты, бродяга здешних мест,
Влачишь свой скудный жалкий крест.
Не ведал ты, что значит власть,
Не наслаждался пищей всласть.
Ответь немедля, наконец:
За что тебя зовут – мудрец?
– Ты прав! —
Сказал мудрец жрецу, —
Мне эта почесть не к лицу.
Конечно, скудное добро
В суме моей, не серебро,
Там только хлеб и молоко,
Но на душе моей легко,
Поскольку л*ю*ду и царю
Я мысли просто так дарю.

Елена Евсеева

Скамейка

Летний сад был не летним. Метался февраль по аллеям.
Ветер лапал деревья и ветви трепал на бегу.
Под столетнею липой, от входа немного правее,
Притулилась скамейка по самые локти в снегу.
Будто Ноев ковчег, затерялась в расхлябанной хмари,
И промёрзлою тушей своей вспоминает во сне,
Как попарно на ней размещались влюблённые твари,
Отплывая в июль на её деревянной спине.
«Оля плюс Николай», чуть пониже – «Наташа плюс Вова».
Заметаются снегом автографы прошлых времён…
И порою мне жаль, что на этой скамейке садовой
Не останется места для наших с тобою имён.

Изнанка

Памяти деда

На изнанке июня – декабрь и холод такой,
Что промёрзлая память мешает и даты, и сроки...
Завершается год. Приближается сорок второй —
Самый страшный из трёх и, наверное, самый глубокий.
На изнанке войны – запах хлеба и липовый мёд.
Кто всё это поймёт, тот способен увидеть воочью,
Как зимою уходят машины под ладожский лёд
И туманом озёрным в июне сгущаются к ночи.
Млечный путь через озеро – снегом присыпанный тракт,
Млечный Путь через небо – он тоже немногим назначен.
А колонны идут. С придорожной позёмкою в такт.
И летят лепестки с белых яблонь на питерских дачах.
Жизнь даётся на срок, как в аренду сдаётся жильё:
Для кого-то на день, а иному – недели и годы.
Неизбежная смерть прорастает в изнанку её
И с изнанки – становится хлебом и липовым мёдом.

Женитьба Фи…

Свинья не выдаст – Бог не съест, а стало быть, услышит…
И если поздняя весна – отдушина души,
Имеет право на отъезд свихнувшаяся крыша,
Плевать, что виза не дана и некуда спешить.
Который раз не в глаз, а в бровь, и не по Сеньке шапка.
Под саркастический прищур насмешницы-зари
Опять несчастная любовь меня сгребла в охапку,
И я отчаянно пищу, не в силах говорить.
Над головой прямой эфир: обрывки и обноски
Небесных тучек и ветров, а прямо в голове —
Безумный день, женитьба Фи… смешенье по-Облонски,
Сплетенье рук, смятенье дров на скомканной траве.
Я за тобой тащусь вослед, как нитка за иголкой.
Не то, чтоб замкнутый, но круг: не муторно, но зря.
Мне крыша шлёт физкульт-привет своею треуголкой
И отправляется на юг – в полёт… до ноября.

Посох Моисея

Сорок лет как в пути! Это ж надо такое придумать!
Он кругами их, что ли, по этой пустыне водил?!
Я рассохся вконец. Я от жажды чуть было не умер,
А ему всё – то сушу, то воду – возьми да роди!
Он, я знаю, такой: что задумал – исполнит, упорный,
И пройдя сквозь пески, донесёт, доведёт до конца…
Но народ-то попался какой-то скандальный и вздорный:
Им не Богу служить, а пасти Золотого Тельца.
И за этих, за них, кто не верил и верить не будет,
Он сжимает меня в истомлённой пустыней руке,
И забьёт мой родник из скалы растревоженных судеб,
И оставит свой след даже в этом бесплодном песке.
И пускай до меня нет ему интереса и дела,
Я пойму, я прощу – лишь бы вместе – в мученьях и зле…
Обопрётся душа на моё деревянное тело
И вдвоём, по пустыне, к обещанной Богом земле!

Сфинкс

Сфинкс лежит в песке золотистой тушей,
Отражая свет золотистой кожей.
Он сегодня слеп и прекраснодушен.
Он бы, может, съел... Но уже – не может.
Что же ты стоишь? А идти – далече
По глухой тропе из его пророчеств...
Ты напрасно маешься, человечек:
Он бы, может, спел, но ещё не хочет.
Спелый вечер встал, как вода в затоне.
Сфинкс забыл ответ на свою задачу.
Он когда-то знал... Но уже не помнит.
Он, должно быть, знак, но ещё не значит.
И его итог – не большой, а малый,
И его следы заметает время...
Он, конечно, бог, но уже усталый.
А усталый бог не творит, а дремлет.

Парашютист

1. Прыжок.

Ой, мурашки по спине пляшут!
Ой, чечёткою трясёт зубы!
В самолёт залезть – и то страшно,
А уж прыгать – так совсем глупо.
Словно пена, облака белы,
Неба – море! Да не все тонут…
Вот до люка дотащу тело,
Оттолкнусь – и с головой в омут!
А инструктор, хохотнув глухо,
Пробасит: «Земля тебе пухом!»

2. Полёт.

Ой, ребята, что же я сделал!?
В сердце холод, а душе жарко,
А над миром парашют белый
Триумфальною цветёт аркой.
И в минуты уложив годы,
(Даже времени – и то тесно!)
Я болтаюсь под её сводом,
Колокольчиком звеня песню:
Ой ты гой еси!
Под дугой виси!
И со звоном – прямо в рай, смело!
А не пустят, загляну в щёлку:
Между небом и моим телом
Только ветер да клочок шёлка!

3. Приземление.

Сердцу больно, словно соль в ране,
Нервы всмятку и синяк с тыла…
Да. Слыхал я, что к земле тянет,
Но не думал, что с такой силой!..
А над миром – парашют синий…
Подожди, постой! Я здесь! Мигом!
Соберу – всё, что собрать в силах,
Подлатаю – да опять – прыгать.

Анна Ефанова

* * *

В поэзии затишье у меня,
Полмесяца не пишется ни строчки.
Копыта белокрылого коня
Не оставляют на листе ни точки.
Смирилась с этой участью и вот
Сижу на кухне тихо, словно мышка.
Одна встречаю Старый Новый Год —
Всё чинно и пристойно. Даже слишком.
В подъезде нашем шум и суета.
На улице петарды и хлопушки.
Но одинокая полночная звезда
Подмигивает, словно бы подружке.
Не удивляюсь этому ничуть —
Сегодня необычный русский праздник.
К моей душе прокладывая путь,
Случайной рифмой снова муза дразнит.

* * *

Луга в цвету, ширь и бездонность неба —
Всё это было, было до меня.
И запах выпекаемого хлеба,
И радость наступающего дня.
Нет, мой приход не изменяет мира.
Не потекли ручьи и реки вспять.
И до меня поэт, владевший лирой,
Смысл бытия хотел, как я, понять.

* * *

От стрекотания кузнечиков в траве
Исходят чудодейственные чары.
И копошатся мысли в голове,
А рифмы чётко выстроились в пары.
Вплывает летний вечер в мой уют,
Таинственность неся, подобно чуду.
За речкой в роще соловьи поют,
И запах скошенной травы повсюду.
Дела закончены. Присяду на крыльцо,
Из полевых цветов венок сплетая.
И струи ветра, остудив моё лицо,
Дурманят ароматом иван-чая.

* * *

Я, заглянув за горизонт,
Смогу увидеть там,
Что мне родиться был резон,
И что Земля – мой храм.
Что жизнь моя не столь мала,
Чтоб мне жалеть о ней.
И каждый день, что прожила, —
Не худший среди дней.

* * *

Затаите дыхание, слушайте чутко,
Как секунды бегут, за минутой минутка.
Ночь неслышно ступает, а в это же время
Прорастает звезда, как небесное семя.
Ночью слышно, как ветер гуляет по крыше
И в соломе шуршат осмелевшие мыши,
И крадётся на цыпочках тень в нашем доме,
И плывёт над землёй сон на звёздном пароме.

* * *

Осенний гром, двух радуг коромысла.
Такое увидать – и стоит жить.
Какого-то таинственного смысла
Невидимая, тоненькая нить.
Ещё тепло, но пожелтели липы.
Сентябрь раскрыл оранжевый свой зонт.
И мелкий дождь похож на чьи-то всхлипы.
Дни лета утекли за горизонт.
Листвы опавшей шорох под ногами
Под музыку земного бытия.
Далёкий лес в багрово-жёлтой гамме,
В чертогах осени былинкой тонкой – я.

* * *

Словно пёс на цепи,
Я работой прикована к дому.
Хоть вопи-не вопи,
Но мне нынче нельзя по-другому.
В этой комнате я
Замурована, будто бы в склепе.
Лишь окно-полынья
И будильника утренний лепет.
Горы всяких бумаг,
Интернет и друзья в телефоне.
Может, что-то не так?
Обращаюсь я к старой иконе.
Строки белых стихов
На листе из тетрадочки в клетку.
Груз каких-то грехов
Да снотворного на ночь таблетку.

* * *

Я песчинка и в мире, и в городе.
Замерзает душа в вечном холоде.
Я наполнена трепетной лаской,
Что скрываю холо́дности маскою.
Я стремилась к любви не из праздности
Через жизни моей несуразности.
Став кому-то единственно-нужною,
Я оттаю и стану послушною.
А пока, вся в бунтарском смятении,
Я не лезу в вожди или в гении.
Вырываюсь из бренной телесности,
Чтоб душа не исчезла в безвестности.

* * *

Горизонт раздвинул шторы,
Солнце выспалось как будто.
Облака плетут узоры.
Утро.
И подобно бриллиантам,
На траве роса искрится.
Небесам читает мантры
Птица.
Разметая пыль, как дворник,
Ветер одурел от воли.
Зацветает жёлтый донник
В поле.
Светлячки задули свечи
В ожидании рассвета.
Новый день спешит навстречу.
Лето.

* * *

В подсознании, где-то там,
Из минувших дней хоровод,
Что приходят, подобно снам,
Отмеряя за годом год.
Неотступно за мной бегут,
Чьей-то тенью жмутся у стен.
Эхо прошлого там и тут
Разрушает призрачный плен.
Наше прошлое нам милей.
Словно омут, к себе влечёт —
То осенний запах аллей,
То скворцов весенний прилёт.
Многогранен былого лик,
Всех оттенков не уловить.
Настоящее – только миг
К нашей памяти – мостик, нить.

* * *

Не принимай за чистую монету
Всё то, что мной написано в стихах.
Сейчас зима, а я пишу, что лето.
О святости пишу, как о грехах.
Не верь словам о страсти неуёмной —
Бессонница что хочешь наплетёт.
Но это и не ложь с изнанкой тёмной,
А мысли необузданной полёт.
Весь этот мир фантазий и желаний
Мной выдуман, возможно, наяву.
Стремление познать той жизни грани,
Которой я обычно не живу.

Ирина Жаркова

Осенние миражи

Петербургская ночь заблудилась в туманах,
Где мерцающим светом горят фонари,
Здесь нетрудно поверить фантазиям странным
И в счастливом обмане дожить до зари.
Но дождливым рассветам и сумеркам рада,
Я ни в чем не посмею мой город винить —
Надо мною в аллеях старинного сада
Ветер кружит стихов серебристую нить.
И летят по ветвям разноцветные блики,
От шагов разбиваются луж витражи,
О любивших тебя – и простых, и великих,
Летний сад, ты мне тайны свои расскажи...
Здесь мелькают порою прошедшего тени —
Адъютантов, красавиц, их верных пажей
И поэтов, бродивших в аллеях осенних.
Летний сад, я в плену у твоих миражей!
Оживают застывшие в камне сюжеты,
Осень вновь пишет золотом автопортрет.
Петербургская ночь окликает поэтов,
И струится в ночи вдохновения свет.

* * *

Стонали яблони под бременем плодов,
Под бременем цветов клонились травы.
И стойкий аромат лесной приправы
Сливался с ароматами садов.
В садах качались жёлтые шары —
Цветы с каким-то солнечным свеченьем.
Прощаясь, август раздавал дары,
Нас восхищая щедрым угощеньем.
А ты – такою летнею была,
Но календарь, неумолимо строгий,
Взывал, чтоб ты в реальность снизошла,
Что время подводить уже итоги.
Но не хотелось верить в холода,
Душе твоей, любовью обогретой,
И понимать, что это – не года,
А жизнь сама перетекает в Лету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.